

18+

Вашингтон Ирвинг

ДЖОН ЛИВЕР ПОЛДСМИТ

Биография

Вашингтон Ирвинг

Оливер Голдсмит. Биография

«Издательские решения»

Ирвинг В.

Оливер Голдсмит. Биография / В. Ирвинг — «Издательские решения»,

Новый перевод Алексея Козлова блестящей биографии Оливера Голсмита в исполнении изысканного пера Вашингтона Ирвинга. Лёгкое чтение, бросающее луч знания на тёмные дни Британии, вползающей в Викторианскую эру. А также показывающее одинокую Генильность, мечущуюся между Вдохновением, Расточительностью и крайней Нищетой. Публикация 1840 года.

© Ирвинг В.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава Первая	7
Глава Вторая	13
Глава Третья	20
Глава Четвёртая	24
Глава Пятая	31
Глава Шестая	36
Глава Седьмая	40
Глава Восьмая	43
Глава Девятая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Оливер Голдсмит Биография

Вашингтон Ирвинг

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Вашингтон Ирвинг, 2026

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2026

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-2977-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В процессе подготовки переработанного издания своих сочинений я обратился к биографическому очерку о Голдсмите, опубликованному несколько лет назад. Он был написан в спешке в качестве предисловия к подборке его произведений. И хотя факты, приведенные в нем, были собраны из различных источников, главным образом я опирался на объемный труд мистера Джеймса Прайора, который с неутомимым усердием и скрупулезной точностью собрал и сопоставил мельчайшие подробности биографии поэта, но, на мой взгляд, изложил их в слишком громоздкой форме, перегруженной деталями и отступлениями, а также сведениями, не представляющими интереса для широкого читателя. Когда я недавно собирался переработать свой биографический очерк перед переизданием, мне в руки попал том, недавно изданный мистером Джоном Форстером из Иннер-Темпл, который, также опираясь на труды неутомимого Прайора и на некоторые новые данные, появившиеся с тех пор, написал биографию поэта, исполненную духа, чувства, изящества и красноречия, которые не оставляют желать ничего лучшего. В самом деле, с моей стороны было бы самонадеянно братья за эту тему после столь удачного ее раскрытия, если бы я не был связан обязательствами перед своим предыдущим очерком. Этот набросок теперь казался слишком скудным и недостаточным, чтобы удовлетворить запросы публики, но ему пришлось занять свое место в обновленной серии моих произведений, пока я не найду что-то более подходящее. В сложившихся обстоятельствах я снова обратился к этой теме и изучил ее более подробно, чем раньше, не упустив ни одного факта, который, на мой взгляд, проливал свет на жизнь и характер поэта, и изложил их настолько наглядно, насколько это было в моих силах. Однако из-за спешки, в которой мне пришлось работать, учитывая, что мое внимание было сосредоточено на других задачах, а пресса наступала мне на пятки, я не смог уделить некоторым аспектам этой темы того внимания, которого мне хотелось бы. Тем, кто хотел бы узнать об этом предмете более подробно, с критическими комментариями и дополнительными фактами, стоит обратиться к подробным исследованиям мистера Прайора или к изящным и многословным трудам мистера Форстера. Что касается меня, то я могу лишь сожалеть о своих упущениях в работе, которая была для меня делом всей жизни, ведь это дань уважения памяти автора, чьи произведения радовали меня в детстве и доставляли удовольствие на протяжении всей жизни. Именно к нему я обращаюсь со словами прекрасного обращения Данте к Вергилию:

«Tu se' lo mio maestro, e «l mio autore:
Tu se' solo colui, da cu, io tolsi
Lo bello stile, che m' ha fatto onore.»

*У. И. САННИСАЙД,
1 августа 1849 года.*

Глава Первая

РОЖДЕНИЕ И РОДОСЛОВНАЯ — ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ Рода ГОЛДСМИТОВ — МЕСТО РОЖДЕНИЯ ПОЭТА — ДОМ ГОБЛИНОВ — СЦЕНЫ ДЕТСТВА — ЛИССОЙ — ПОРТРЕТ СЕЛЬСКОГО СВЯЩЕННИКА — ШКОЛЬНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ГОЛДСМИТА — БИРН, ДЕРЕВЕНСКИЙ ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ — ХОРНПАЙП И ЭПИГРАММЫ ГОЛДСМИТА — ДЯДЯ КОНТАРИН — ШКОЛЬНЫЕ ЗАНЯТИЯ И СПОРТИВНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ — НОЧНЫЕ ОШИБКИ

Мало найдется писателей, к которым читатель испытывал бы такую же личную симпатию, как к Оливеру Голдсмиту, ибо немногие из них в такой степени обладали волшебным даром отождествлять себя со своими произведениями. Мы читаем его характер на каждой странице и по мере чтения становимся ближе к нему. Бесхитростная доброжелательность, которой пронизаны все его произведения; причудливые, но в то же время милые взгляды на человеческую жизнь и человеческую натуру; непринужденный юмор, так удачно сочетающийся с добротой и здравым смыслом и порой пронизанный приятной меланхолией; даже сам его мягкий, плавный, тонко окрашенный стиль — все это, кажется, говорит о его нравственных и интеллектуальных качествах и заставляет нас любить этого человека так же сильно, как мы восхищаемся его творчеством. В то время как произведения писателей с более громкими именами и претензиями на величие пылятся на наших полках, книги Голдсмита мы бережно храним и лелеем. Мы цитируем их не напоказ, но они проникают в наше сознание, смягчают наш нрав и гармонизируют наши мысли; они помогают нам обрести гармонию с самими собой и с окружающим миром и тем самым делают нас счастливее и лучше. Знакомство с личной биографией Голдсмита приоткрывает завесу тайны над его талантливыми произведениями. Оказывается, что они — не более чем отражение его внутреннего мира и истории его жизни. В них он предстает таким же добрым, бесхитростным, жизнерадостным, любознательным, чувствительным, причудливым и умным человеком, каким мы видим его в творчестве.

В его произведениях едва ли найдётся хоть одно приключение или персонаж, которые не были бы списаны с него самого. Многие из самых забавных сцен и нелепых происшествий в его произведениях основаны на его собственных неудачах и промахах, и, похоже, он действительно воплотил в жизнь почти все максимы, которыми делился с читателями. Оливер Голдсмит родился 10 ноября 1728 года в деревушке Паллас, или Палласмор, в графстве Лонгфорд, Ирландия. Он происходил из уважаемой, но отнюдь не богатой семьи. Некоторые семьи, похоже, наследуют доброту и бесталанность, а также добродетель и бедность из поколения в поколение. Так было и с Голдсмитами.

«Они всегда были, — по их собственным словам, — странной семьёй; они редко поступали так, как другие люди; сердца у них были на месте, но вот с головой было не всё в порядке».

«Они были замечательны, — говорится в другом источнике, — своей добротой, но не умом».

Оливер Голдсмит унаследовал все достоинства и недостатки своего рода. Его отец, подобный Чарльз Голдсмит, по свойственной его предкам недалекости женился очень молодым и очень бедным и несколько лет едва сводил концы с концами, занимая небольшую приходскую должность и получая помощь от друзей жены. Весь его доход, складывавшийся из доходов с нескольких возделываемых им полей и случайных подработок у дяди его жены, настоятеля соседнего прихода, не превышал сорока фунтов.

«И был богат сорока фунтами в год».

Он жил в старом полудеревенском доме, стоявшем на возвышенности в суровом, безлюдном краю, с видом на низину, которую иногда затапливало из-за разлива реки Инни. В этом доме родился Голдсмит, и это было место, достойное поэта, потому что, по всеобщему мнению, там водились привидения. Согласно преданию, которое передавалось из уст в уста среди окрестных крестьян, в последующие годы дом, какое-то время пустовавший, обветшал, крыша обвалилась, и он стал таким заброшенным и одиноким, что превратился в прибежище «добрых людей», или фей, которые, как считается в Ирландии, любят устраивать свои полупночные пирушки в старых, ветхих, опустевших особняках. Все попытки восстановить его были тщетны; феи упорно сопротивлялись, не желая его покидать. Огромный уродливый хобгоблिन каждый вечер объезжал дом верхом на лошади, обутой в огромные ботфорты, и в пылу скачки пробивал ими крышу, разнося в щепки все, что было починено за день.

В конце концов дом был оставлен на произвол судьбы и пришел в упадок. Такова народная легенда о месте, где родился Голдсмит. Примерно через два года после его рождения в жизни его отца произошли перемены. После смерти дяди его жены он унаследовал приход в Килкенни-Уэст и, покинув старый дом с привидениями, переехал в Лиссой, в графстве Уэстмит, где у него была ферма площадью в семьдесят акров, расположенная на окраине этой живописной деревушки. Здесь прошло детство Голдсмита, в этом маленьком мирке он черпал вдохновение для многих своих картин сельской и домашней жизни, причудливых и трогательных, которыми изобилуют его произведения и которые так красноречиво вызывают к воображению и сердцу читателя. Лиссоа уверенно называют прототипом его «Оберн» из «Заброшенной деревни». Хозяйство его отца, представлявшее собой нечто среднее между фермой и пасторским домом, послужило, как говорят, прообразом сельского хозяйства в «Векфильдском священнике». А сам отец Лиссоа с его ученой простотой, бесхитростной мудростью, милым благочестием и полным незнанием мира был мастерски изображен в образе достойного доктора Примроуза.

Давайте ненадолго отвлечемся и обратимся к произведениям Голдсмита, чтобы почерпнуть из них пару-тройку образов, которые под вымышленными именами представляют его отца и семью, а также уютный очаг его детских лет.

«Мой отец, — говорит „Человек в черном“, который в некотором смысле является двойником самого Голдсмита, — мой отец, младший сын в хорошей семье, владел небольшим церковным приходом. Он был образован, но не богат, а его щедрость превосходила его образованность. При всей своей бедности он мог позволить себе льстецов, которые были еще беднее его самого, потому что за каждый обед, который он им устраивал, они платили ему похвалами, а большего ему и не требовалось».

Те же амбиции, что движут монархом во главе его армии, двигали и моим отцом во главе его стола: он рассказал историю про плющ, и все посмеялись; он повторил шутку про двух школяров и одни штаны, и все снова засмеялись; но история про Таффи в портшезе неизменно вызывала бурю восторга. Таким образом, его удовольствие росло пропорционально удовольствию, которое он доставлял другим; он любил весь мир и воображал, что весь мир любит его.

«Поскольку его состояние было невелико, он жил в меру своих возможностей; у него не было намерения оставлять своим детям деньги, потому что это был мусор; он решил, что они должны получить образование, ибо образование, как он часто замечал, лучше серебра

или золота. С этой целью он взялся сам обучать нас и заботился как о формировании нашей нравственности, так и о том, чтобы улучшить наше понимание. Нам говорили, что всеобщая благожелательность — это то, что изначально скрепляло общество; нас учили относиться ко всем нуждам человечества как к своим собственным; относиться к человеческому лицу как к божественному с любовью и уважением; он превратил нас в простые машины, вызывающие жалость, и сделал нас неспособными противостоять малейшему импульсу, исходящему от кого бы то ни было, будь то реальное или вымышленное бедствие. Одним словом, нас в совершенстве обучили искусству раздавать тысячи, прежде чем мы научились заработать хотя бы фар-тинг». В «Заброшенной деревне» у нас есть ещё одна гравюра его отца и отцовского очага.:

«Его дом был известен всему бродячему бомонду, он упрекал их за скитания, но облегчал их боль; давно запомнившийся нищий, чья борода, опускаясь, касалась его старческой груди был его гостем, разорившийся мот, утративший былой гордый вид, стоило ему утверждать, что у него есть родня, как его притязания были удовлетворены; раненый солдат, которому любезно предложили остаться, сидел у его очага и болтал всю ночь напролёт, рассказывая свои байки; плакал над своими ранами или рассказывал о пережитых горестях; опирался на костыль и показывал, как завоёвывал поля бывших сражений. Довольный своими гостями, добрый человек оживлялся и совсем забывал об их пороках, когда они горевали; не обращая внимания на их достоинства и недостатки, он проникся к ним жалостью ещё до того, как они становились его подопечными.

Семья достойного пастора состояла из пяти сыновей и трёх дочерей. Генри, старший сын, был гордостью и надеждой отца, и тот не жалел скудных средств, чтобы дать ему образование и обеспечить блестящую карьеру. Оливер был вторым сыном и был на семь лет младше Генри, который был его наставником и защитником в детстве и к которому он был очень привязан на протяжении всей жизни. Обучение Оливера началось, когда ему было около трёх лет. То есть он попал под опеку одной из тех добрых старых женщин, которые есть в каждой деревне и которые собирают под своё крыло всех окрестных детей, как наседка — птенцов, чтобы научить их грамоте и уберечь от беды. Миссис Элизабет Делап, а именно так её звали, процветала в этом качестве более пятидесяти лет, и в свои преклонные годы, когда ей было почти девяносто, она гордилась тем, что именно она первой дала в руки Голдсмиту книгу (несомненно, букварь). Судя по всему, это не принесло ему особой пользы, потому что, по её признанию, он был одним из самых бестолковых мальчиков, с которыми ей доводилось иметь дело, и порой она сомневалась, что из него вообще что-то выйдет. Это обычная история с детьми, наделёнными богатым воображением, которых легко отвлечь от сухих абстракций начального обучения красочными образами.

В шесть лет он попал в руки деревенского учителя, некоего Томаса (или, как его обычно и непочтительно называли, Пэдди) Бирна, превосходного наставника для поэта. Он получил педагогическое образование, но поступил на военную службу, служил за границей во время войн времен правления королевы Анны и дослужился до звания квартирмейстера в одном из полков в Испании. После заключения мира, когда ему больше не нужно было упражняться в фехтовании, он снова взялся за розги и муштровал деревенских мальчишек в Лиссое. Считается, что Голдсмит имел в виду его и его школу в следующем отрывке из поэмы «Покинутая деревня»:

*«Вон там, у покосившегося забора, что тянется вдоль дороги,
В зарослях цветущего дрока, что так и не зацвел,
Там, в своем шумном особняке, где он привык повелевать,
Деревенский учитель преподавал в своей маленькой школе.
Он был суровым человеком, и вид у него был суровый.
Я хорошо его знал, и каждый прогульщик знал его.
Те, кто предчувствовал беду, научились по его утреннему лицу*

*Предсказывать несчастья, которые случатся в этот день.
Они смеялись с притворным весельем
Над всеми его шутками, а шутил он много.
Все прекрасно слышали, как шепот, кружась, Передавал мрачные вести, когда он хму-
рился: Но он был добр, а если и суров в чем-то,
То лишь в своей любви к учению;
Вся деревня знала, как много он знает,
Все были уверены, что он умеет писать и считать;
Он мог измерять земли, предсказывать приливы и отливы,
И даже поговаривали, что он умеет определять погоду:
В спорах священник тоже не знал себе равных, И даже побежденный, он продолжал
спорить; Его длинные ученые речи, произносимые громopodobным голосом,
Приводили в изумление деревенских зевак, толпившихся вокруг.
Они все смотрели на него, и изумление их росло,
Ведь в этой маленькой голове умещалось столько знаний.*

В характере Бирна есть несколько причудливых черт, не упомянутых в этом наброске. Он любил рассказывать о своих скитаниях по чужим землям и привёз с собой с войны множество историй о походах, в которых сам был главным героем и которыми потчевал своих изумлённых учеников вместо того, чтобы учить их урокам. Эти рассказы о путешествиях произвели сильное впечатление на живое воображение Голдсмита и пробудили в нем непреодолимую страсть к странствиям и приключениям. Кроме того, Бирн был романтиком и чрезвычайно суеверным человеком. Он хорошо разбирался в ирландских поверьях о феях и безоговорочно верил в них. Под его руководством Голдсмит вскоре стал почти таким же знатоком фольклора и нравов фей и гоблинов.

От этой бесполезной области знаний он легко перешёл к изучению историй о разбойниках, пиратах, контрабандистах и прочих ирландских плутах и грабителях. Словом, всё, что отдавало романтикой, сказками и приключениями, было близко его поэтическому уму и быстро пустило в нём корни, но медлительные ростки полезных знаний часто оказывались затоптаны, если не задавлены, сорняками его живого воображения. Ещё одной чертой его чудачковатого наставника Бирна была склонность к поэзии, и эту черту перенял его ученик. Ещё до того, как ему исполнилось восемь лет, Голдсмит пристрастился писать стихи на маленьких клочках бумаги, которые потом бросал в огонь. Однако несколько этих пророческих листков были спасены от пламени и переданы его матери. Добрая женщина прочла их с материнской радостью и сразу поняла, что её сын — гений и поэт. С тех пор она стала уговаривать мужа дать мальчику образование, соответствующее его талантам. Этот достойный человек и так был стеснён в средствах из-за расходов на обучение своего старшего сына Генри и собирался обучить ремеслу второго сына, но мать и слышать об этом не хотела. Как обычно, её влияние возобладало, и Оливер, вместо того чтобы освоить какое-нибудь скромное, но весёлое и прибыльное ремесло, посвятил себя бедности и музы. Из-за тяжёлой формы оспы его забрали от наставника Бирна, который рассказывал ему истории. Болезнь едва не привела к летальному исходу, и на лице мальчика на всю жизнь остались оспины. После выздоровления он был передан на попечение преподобного мистера Гриффина, школьного учителя из Элфина в Роскоммоне, и поселился в доме своего дяди, Джона Голдсмита, эсквайра, в Баллиотере, неподалеку от Элфина.

Теперь он приступил к более углубленному изучению наук, но особых успехов не добился. Тем не менее беззаботность и легкость в общении, забавная эксцентричность в манерах и присущее ему спокойное и своеобразное чувство юмора сделали его всеобщим любимцем, а один незначительный случай вскоре убедил семью его дяди согласиться с мнением его матери о его таланте. В доме его дяди собралось много молодежи, чтобы потанцевать. Один из гостей по имени Каммингс играл на скрипке. В какой-то момент Оливер пустился в пляс.

Его невысокая и неуклюжая фигура, а также лицо, покрытое оспинами и обесцвеченное после перенесенной оспы, показались музыканту смешными, и он подшутил над Оливером, назвав его своим маленьким Эзопом. Голдсмита задела эта шутка, и он, резко остановившись, воскликнул:

«Наш глашатай провозгласил следующее изречение, Посмотрите, как танцует Эзоп и как играет его обезьянка».

Для девятилетнего мальчика это было великолепное остроумное замечание, и Оливер сразу же стал душой компании и всеобщим любимцем в семье. Все жалели, что он не может получить такое же образование, как его старший брат Генри, которого отправили в университет. Поскольку отец не мог себе этого позволить, несколько родственников Оливера, поддавшись уговорам его матери, согласились помочь с расходами. Большую часть расходов взял на себя его дядя, преподобный Томас Контарин. Этот достойный человек учился в колледже вместе с епископом Беркли и был человеком среднего достатка, занимая приход в Каррик-он-Шеннон. Он женился на сестре отца Голдсмита, но овдовел и воспитывал единственную дочь по имени Джейн. Контарин был добросердечным человеком и проявлял щедрость, не соответствующую его доходам. Он с детства благоволил к Голдсмитам, его дом был открыт для него во время каникул, его дочь Джейн, которая была на два года старше поэта, была его первой подружкой по играм, а дядя Контарин до конца жизни оставался одним из его самых верных, преданных и щедрых друзей.

Благодаря заботам этого внимательного родственника Оливер смог перейти в школу более высокого уровня, чтобы подготовиться к поступлению в университет. Сначала он учился в школе в Атлоне под руководством преподобного мистера Кэмпбелла, а через два года — в школе в Эджвортстауне под руководством преподобного Патрика Хьюза. Даже в этих школах его успехи не были выдающимися. Однако он был скорее ленив и беспечен, чем глуп, и в целом, судя по всему, учителя были о нем хорошего мнения. В учёбе он тяготел к латинским поэтам и историкам, любил Овидия и Горация и восхищался Ливием. Он с удовольствием читал и переводил Тацита, а его брат Генри, которому он писал короткие и сумбурные письма, упрекнул его в том, что он не уделяет должного внимания стилю своих сочинений, и посоветовал постараться излагать свои мысли как можно лучше. Успехи его брата Генри в университете вдохновляли Оливера на усердную учебу. Казалось, он оправдывал все надежды отца и получал университетские награды, которые, по мнению этого доброго человека, свидетельствовали о его будущем успехе в жизни. Тем временем Оливер, хоть и не выделялся среди своих учителей, был популярен среди одноклассников. Он обладал бездумной щедростью, которая так привлекала юные сердца; у него был вспыльчивый и чувствительный нрав, он легко обижался, но гнев его был мимолётным, и он не умел долго таить обиду. Он был заводилой во всех мальчишеских играх и спортивных забавах, особенно в играх с мячом, и участвовал во всех озорных проделках.

Много лет спустя старик Джек Фицимонс, один из распорядителей спортивных мероприятий и смотритель площадки для игры в мяч в Баллимахоне, хвастался тем, что был одноклассником «Нолла Голдсмита», как он его называл, и с гордостью рассказывал об одном из их проделок — ограблении сада в Тирликене, старинной семейной резиденции лорда Аннали. Однако эта выходка едва не привела к плачевным последствиям: шайку юных грабителей поймали, как и Шекспира с его приятелями, промышлявшими кражей оленей, и только связи Голдсмита спасли его от наказания, которое ждало бы более плебейских нарушителей закона. Рассказывают забавную историю, произошедшую во время последнего возвращения Голдсмита домой из Эджвортстауна. Дом его отца находился примерно в двадцати милях от него; дорога пролегла по труднопроходимой местности, по которой не могли проехать экипажи. Голдсмит раздобыл лошадь для поездки, а друг одолжил ему гинею на дорожные расходы. Ему было

всего шестнадцать, и, когда он внезапно оказался верхом на лошади с деньгами в кармане, неудивительно, что у него закружилась голова.

Он решил вести себя как взрослый и тратить деньги, как подобает независимому путешественнику. Поэтому, вместо того чтобы сразу отправиться домой, он остановился на ночь в маленьком городке Арда и, обратившись к первому встречному, с несколько высокомерным видом спросил, где находится лучший постоялый двор в округе. К несчастью, этим встречным оказался некий Келли, известный шутник, который гостил в доме мистера Фезерстоуна, состоятельного джентльмена. Развлекаясь с самодовольным юнцом и желая подшутить над ним, он направил его к тому, что в буквальном смысле было «лучшим постоялым двором в округе», а именно к фамильному особняку мистера Фезерстоуна. Голдсмит подъехал к зданию, которое, как он полагал, было постоялым двором, приказал отвести лошадь в конюшню, прошёл в гостиную, сел у камина и спросил, что у них есть на ужин. В обычной обстановке он был застенчив и даже неуклюж в манерах, но здесь он чувствовал себя «в своей тарелке» и решил показать, что он взрослый мужчина и опытный путешественник. Внешность его отнюдь не соответствовала его претензиям: он был низкорослым и коренастым, с рябым лицом, а его манера держаться и осанка не отличались изяществом. Однако хозяин дома вскоре понял свою досадную ошибку и, будучи человеком с чувством юмора, решил подыграть гостю, тем более что случайно узнал, что этот незванный гость — сын его старого знакомого. Таким образом, Голдсмита «обвели вокруг пальца», и он мог делать все, что ему заблагорассудится, в течение всего вечера. Никогда еще школьник не был так воодушевлён. Когда подали ужин, он весьма любезно настоял на том, чтобы хозяин, его жена и дочь тоже поели, и заказал бутылку вина, чтобы завершить трапезу и отблагодарить хозяев. Напоследок, перед тем как лечь спать, он распорядился, чтобы на завтрак ему подали горячий пирог. Нетрудно представить себе его смущение и смятение, когда на следующее утро он обнаружил, что так бесцеремонно разгуливал по дому частного лица. Верный своей привычке превращать события своей жизни в литературные произведения, он много лет спустя описал эту главу, полную нелепых ошибок и недоразумений, в своей замечательной комедии «Она унижается, чтобы победить, или Ошибки одной ночи».

Глава Вторая

НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ БРАКИ В СЕМЬЕ ГОЛДСМИТ — ГОЛДСМИТ В УНИВЕРСИТЕТЕ — ПОЛОЖЕНИЕ ПРИМЕРЩИКА — ТИРАНИЯ НАСТАВНИКА УАЙЛДЕРА — ФИНАНСОВЫЕ ТРУДНОСТИ — УЛИЧНЫЕ ПЕСНИ — БЕСПОРЯДКИ В УНИВЕРСИТЕТЕ — ГАЛЛОУШ УОЛШ — ПРЕМИЯ УНИВЕРСИТЕТА — ПРЕРВАНЫЙ ТАНЕЦ

Пока Оливер без особого рвения учился в школе, его старший брат Генри радовал отца успехами в университете. Вскоре он отличился на экзаменах и в 1743 году получил стипендию. Это университетская награда, которая служит трамплином для любой научной карьеры и позволяет продвинуться по службе в университете, если человек решит там остаться. Отец Генри надеялся, что сын добьётся этой престижной стипендии, а затем и более высоких должностей и окладов. Однако Генри был столь же непредусмотрительным, сколь и «не от мира сего», как и все представители его рода. Вернувшись в деревню на следующие каникулы, он женился по любви, разумеется, отказавшись от всех университетских перспектив и преимуществ, открыл школу неподалеку от дома отца и до конца жизни прозябал в должности приходского священника с жалованьем в сорок фунтов в год. Вскоре в семье Голдсмитов произошло ещё одно событие, связанное с браком, которое нарушило душевное равновесие их достойного главы. Речь идет о тайном венчании его дочери Кэтрин с молодым джентльменом по фамилии Ходсон, которого отец поручил заботам её брата Генри, чтобы тот завершил его образование. Поскольку юноша происходил из богатой семьи, этот союз сочли удачной партией для Голдсмитов, но известие о нем глубоко ранило отца невесты. Гордясь своей честностью и ревниво оберегая доброе имя, которое было его главным достоянием, он видел, что он сам и его семья подвергаются унижительным подозрениям в том, что злоупотребили оказанным им доверием ради заключения выгодной партии. Говорят, что в порыве чувств он пожелал, чтобы у его дочери никогда не было детей, которые навлекли бы на нее позор и горе. Это поспешное желание, столь несвойственное этому доброму человеку, было отозвано и забыто почти сразу же после того, как было высказано, но суеверные соседи сочли его дурным предзнаменованием: хотя у его дочери родилось трое детей, все они умерли раньше неё.

Мистер Голдсмит предпринял более действенную меру, чтобы отвести от себя подозрения, но она легла тяжелым бременем на его семью. Он выделил приданое в размере четырехсот фунтов, чтобы его дочь не вошла в семью мужа с пустыми руками. Собрать такую сумму наличными было невозможно, но он передал мистеру Ходсону свою небольшую ферму и доход от десятины до тех пор, пока приданое не будет выплачено. Тем временем, поскольку его доход не превышал 200 фунтов в год, ему приходилось вести строжайшую экономию, чтобы постепенно выплатить этот тяжкий налог, которым он был обложен из-за своего обостренного чувства собственного достоинства. Первым из членов семьи, кто ощутил на себе последствия этой экономии, был Оливер.

Пришло время отправлять его в университет, и 11 июня 1747 года, в возрасте шестнадцати лет, он поступил в Тринити-колледж в Дублине. Но отец уже не мог устроить его туда на пансион, как своего старшего сына Генри, поэтому ему пришлось записать его как «бедного студента». Оливер поселился в одной из верхних комнат, примыкающих к библиотеке, под

номером 35, где, как говорят, до сих пор можно увидеть его имя, нацарапанное им самим на оконной раме.

Студент этого курса обучается и получает питание бесплатно, а за проживание платит совсем небольшую сумму. В обмен на эти преимущества от него ожидают, что он будет прилежно учиться и приносить пользу в самых разных областях. В Тринити-колледже, когда Голдсмит поступил в университет, от него требовали выполнять унижительную и даже чёрную работу, как будто колледж стремился компенсировать оказанную ему благосклонность унижением студента.

Он должен был подметать часть внутреннего двора по утрам, относить блюда из кухни к столу преподавателей и ждать в зале, пока они не закончат обедать. Даже его одежда подчеркивала подчиненное положение «бедного студента» по сравнению с его более удачливыми однокурсниками. Он носил чёрную мантию из грубой ткани без рукавов и простую чёрную матерчатую шапочку без кисточки. Мы не можем представить себе ничего более отвратительного и недальновидного, чем эти различия, которые ассоциировали бедность с унижением и ставили нуждающегося, но достойного юношу ниже никчемного баловня судьбы. Они были призваны ранить и раздражать благородные умы и ещё больше унижать низкие. Действительно, унижительное воздействие этих рабских обязанностей на юношей с гордым нравом и тонкой душевной организацией со временем стало слишком очевидным, чтобы его можно было игнорировать. Около пятидесяти лет назад в Троицын день несколько человек собрались, чтобы посмотреть на церемонию в колледже. Когда один из служителей нёс блюдо с мясом к столу преподавателей, какой-то дородный горожанин из толпы отпустил насмешливое замечание по поводу унижительности его обязанностей. Задетый за живое, гордый юноша тут же швырнул блюдо со всем его содержимым в голову насмешника. Служителя строго отчитали за эту вспышку уязвленной гордости, но с того дня унижительная обязанность была по праву возложена на прислугу.

Голдсмит с величайшим отвращением поступил в колледж на эту должность. Его застенчивая и чувствительная натура страдала от того, что он был обречен занимать подчиненное положение среди своих весёлых и богатых сокурсников, и временами он впадал в уныние и становился подавленным. Воспоминания об этих первых унижениях побудили его впоследствии отговаривать своего брата Генри, священника, от идеи отправить сына в колледж на таких же условиях.

«Если у него есть амбиции, сильные страсти и обостренное чувство презрения, не отправляйте его туда, если только у вас нет для него другого занятия, кроме вашего собственного».

В довершение всех бед его непосредственный наставник в колледже, преподобный Тикер Уайлдер, был человеком вспыльчивым и капризным, с диаметрально противоположными вкусами. Наставник увлекался точными науками, а Голдсмит — классикой. Уайлдер пытался навязать студенту свои излюбленные предметы, прибегая к грубым методам, продиктованным его собственной резкой и необузданной натурой.

Он оскорблял Голдсмита в присутствии всего класса, называя его невежественным и глупым, высмеивал его за неуклюжесть и некрасивость, а порой в порыве гнева даже поднимал на него руку. В результате пассивное неприятие переросло в стойкую неприязнь. Голдсмит открыто выражал свое презрение к математике и неприязнь к этике и логике, и эти предубеждения остались с ним на всю жизнь. Математику он всегда считал наукой, доступной даже самым недалеким умам.

Более вероятной причиной его неприязни к серьёзным наукам была природная лень и любовь к застольям.

«Я с детства любил веселье, хорошее настроение и даже иногда шутки», — говорил он. Он хорошо пел, был приятным собеседником и не мог устоять перед соблазном повеселиться в компании. Он пытался убедить себя, что учёность и скука идут рука об руку и что гениальность

не должна быть обузой. Даже в зрелом возрасте, когда осознание собственных недостатков должно было убедить его в важности усердной учёбы в юности, он пренебрежительно отзывался о привилегиях, которые даёт учёная степень.

«Юноша, — говорил он, — чьи страсти в юности недостаточно сильны, чтобы увести его с пути науки, предначертанного наставниками, а не его собственными склонностями, благодаря упорству в течение четырёх или пяти лет, вероятно, получит все преимущества и почести, которые может дать ему колледж. Я бы сравнил человека, чья юность прошла в спокойствии бесстрастного благоразумия, с напитками, которые никогда не бродят и, следовательно, всегда остаются мутными».

Смерть его достойного отца, случившаяся в начале 1747 года, сильно осложнила жизнь Голдсмита в колледже. Его мать едва сводила концы с концами, чтобы прокормить семью, и не могла высылать ему деньги. Поэтому ему пришлось бы бросить колледж, если бы не периодические пожертвования друзей, главным из которых был его щедрый и добросердечный дядя Контарин. Однако эти средства поступали так нерегулярно и в таких небольших количествах, что в промежутках между ними он оказывался в крайне затруднительном положении. У него было два однокурсника, у которых он время от времени занимал небольшие суммы: один из них был его школьным товарищем по имени Битти, а другой — кузен и любимец, с которым он часто устраивал шалости, Роберт (или, скорее, Боб) Брайантон из Баллималви-Хаус, что неподалёку от Баллимахона. Когда эти случайные поступления прекратились, ему не раз приходилось закладывать свои книги, чтобы раздобыть денег на самое необходимое. Временами он впадал в уныние, но, как он сам говорил, у него был «дар надеяться», который вскоре помогал ему взять себя в руки. Тогда он начал зарабатывать на жизнь поэзией, сочиняя уличные баллады, которые продавал по пять шиллингов за штуку в лавке, торговавшей подобными литературными безделушками. Он питал авторскую привязанность к этим никому не известным творениям и, как нам рассказывают, по ночам в одиночестве бродил по улицам, чтобы послушать, как их поют, прислушивался к комментариям и критике прохожих и наблюдал за тем, как публика реагирует на каждое из них.

Эдмунд Бёрк учился в колледже вместе с Голдсмитом. Ни государственный деятель, ни поэт не подавали особых надежд на будущую славу, хотя Бёрк, безусловно, превосходил своего сокурсника в усердии и прилежании и проявлял больше склонности к самосовершенствованию, участвуя вместе с другими студентами в дискуссионном клубе, где они обсуждали литературные темы и упражнялись в сочинительстве. Голдсмит, возможно, тоже состоял в этом клубе, но предпочитал проводить время в компании весёлых и беззаботных шалопаев. Однажды он оказался замешан в истории, из-за которой его чуть не исключили. В колледж пришло известие о том, что один из студентов попал в руки судебных приставов. Это было оскорблением, в котором каждый студент колледжа чувствовал свою причастность. Несколько студентов схватились за оружие и ринулись в бой во главе с безрассудным парнем по прозвищу Висельник Уолш, известным своей склонностью к проказам и любовью к шумным вечеринкам. Оплот судебного пристава был взят штурмом, студент освобожден, а провинившийся ломовой извозчик препровожден в колледж, где, не имея насоса, чтобы утопить его, они удовлетворили требования университетского устава, окунув его в старую, ржавую цистерну.

Воодушевлённый этой блестящей победой, Гэллоуз Уолш обратился к своим сторонникам с пламенной речью, в которой предложил взломать Ньюгейтскую тюрьму, или «Чёрного Пса», как её называли, и устроить всеобщее освобождение узников. В ответ раздались одобрительные возгласы, и толпа безрассудных юнцов двинулась вперёд, твёрдо вознамерившись положить конец тирании закона. К ним присоединилась городская чернь, и они напали на тюрьму с истинно ирландской стремительностью и безрассудством, хотя у них и не было пушек, чтобы разрушить её каменные стены. Несколько выстрелов из тюрьмы привели их в чувство, и они поспешно отступили, потеряв двух горожан убитыми и нескольких ранеными.

В университете провели тщательный разбор этого инцидента. Четверо студентов, которые были зачинщиками, были отчислены; ещё четверо, принимавших активное участие в потасовке, получили публичное предупреждение; среди них был и незадачливый Голдсмит. Чтобы загладить этот позор, он в течение месяца получил одну из второстепенных премий колледжа. Правда, это была одна из самых незначительных премий, денежная ценность которой составляла всего тридцать шиллингов, но это было первое отличие, которого он добился за все время учебы в колледже. Такой успех и внезапное обогащение вскружили голову нашему бедному студенту. Он тут же устроил в своей комнате ужин и танцы для нескольких молодых людей обоего пола из города, что было прямым нарушением правил колледжа. Непривычные звуки скрипки достигли ушей неумолимого Уайлдера. Он бросился к месту нечестивого празднества, подверг «отца торжества» телесному наказанию и выставил изумленных гостей за дверь.

Это стало последней каплей унижения для бедного Голдсмита. Он чувствовал себя униженным и в колледже, и за его пределами. Он боялся насмешек со стороны однокурсников из-за нелепого завершения своей оргии и стыдился встречаться со своими знакомыми в городе после унижительного наказания, которому его подвергли в их присутствии, и после их собственного позорного исключения из колледжа. Но больше всего он не мог больше выносить оскорбительную тиранию Уайлдера. Поэтому он решил покинуть не только колледж, но и родную страну и уехать в какую-нибудь далёкую страну, чтобы забыть о том, что считал своим непоправимым позором.

Он продал свои книги и одежду и на следующий же день вышел за ворота колледжа, намереваясь сесть на корабль в Корке и отправиться — он и сам не знал куда — в Америку или в какую-нибудь другую страну за морем. Однако с присущей ему беспечной неосмотрительностью он задержался в Дублине, пока у него не осталось ни гроша. С этой пустотой в кармане он и отправился в путь. Целых три дня он питался одним шиллингом; когда деньги закончились, он снял с себя кое-что из одежды и, оставшись почти нагим, двадцать четыре часа ничего не ел. Он даже заявил, что горсть серого гороха, подаренная ему девушкой на поминках, была одним из самых вкусных блюд, которые он когда-либо пробовал. Голод, усталость и нищета сломили его дух и умилили гнев. Он с радостью повернул бы назад, если бы это помогло ему хоть немного потешить уязвленную гордость. В отчаянии он рассказал брату Генри о своих злоключениях и о безрассудном поступке, на который решился. Любящий брат поспешил ему на помощь, снабдил его деньгами и одеждой, успокоил ласковыми словами, убедил вернуться в колледж и добился относительного примирения между ним и Уайлдером. После этой рискованной вылазки в мир он проучился в университете еще почти два года, время от времени демонстрируя свой талант в переводах с классических языков. За один из них он получил премию, присуждаемую только за выдающиеся литературные достижения. Тем не менее в колледже он не добился особых успехов, а его природное нежелание учиться усугублялось суровым отношением со стороны преподавателя. Среди историй, которые рассказывали о Голдсмите в колледже, есть одна, демонстрирующая его непосредственную, но необдуманную и зачастую причудливую щедрость, которая на протяжении всей жизни была одной из самых эксцентричных, но в то же время привлекательных черт его характера.

Однажды он договорился позавтракать с приятелем по колледжу, но не пришёл. Его друг отправился к нему в комнату, постучал в дверь, и ему разрешили войти. К своему удивлению, он увидел Голдсмита в постели, по шею утопающего в перьях. Серьёзно-комичная история объясняла, в чём дело. Накануне вечером во время прогулки он встретил женщину с пятью детьми, которая умоляла его о помощи. Её муж лежал в больнице, а сама она только что приехала из деревни, была чужой и нуждалась в деньгах, чтобы прокормить своих беспомощных детей. Это было уже слишком для доброго сердца Голдсмита. Он был почти так же беден, как и она, и в кармане у него не было ни гроша, но он проводил её до ворот колледжа, отдал ей одеяла со своей кровати, чтобы укрыть её маленьких детей, и часть своей одежды, чтобы она

могла продать ее и купить еды. А сам, почувствовав, что ночью ему холодно, распорол свою постель и зарылся в перину.

Наконец, 27 февраля 1749 года по старому стилю он получил степень бакалавра искусств и в последний раз покинул стены университета. Он освободился от университетских правил — от той свободы, о которой так страстно мечтают легкомысленные студенты и которая, как правило, ввергает их в пучину забот, лишений и превратностей судьбы. Он также освободился от жестокой тирании Уайлдера. Если бы его добрая и покладистая натура могла затаить обиду на прошлые обиды, он, возможно, испытал бы удовлетворение, узнав впоследствии, что бурная жизнь Уайлдера оборвалась насильственной смертью в пьяной драке.

Но Голдсмит не радовался несчастьям даже своих врагов. Теперь он вернулся к своим друзьям уже не студентом, который беззаботно проводит счастливые каникулы, а встревоженным человеком, которому отныне предстоит самому пробивать себе дорогу в жизни. По сути, у него не было законного дома, куда он мог бы вернуться. После смерти отца отцовский дом в Лиссое, где Голдсмит провёл детство, перешел к мистеру Ходсону, который женился на его сестре Кэтрин. Мать Голдсмита переехала в Баллимахон, где поселилась в небольшом доме и была вынуждена вести крайне скромный образ жизни. Старший брат Генри служил викарием и преподавал в школе в приходе своего покойного отца, живя в стесненных обстоятельствах в родовом поместье Голдсмита, в старом «доме с привидениями» в Палласе. Никто из его родственников не мог предложить ему ничего, кроме временного пристанища, да и сами они, казалось, изменились. По сути, его успехи в колледже разочаровали друзей, и они начали сомневаться в том, что он тот самый великий гений, каким они его считали. Он шутливо упоминает об этом в автобиографическом очерке «Человек в черном» из сборника «Гражданин мира».

«Первое разочарование, которое постигло моего отца, было связано с тем, что я не блистал в университете. Он тешил себя надеждой, что вскоре я займу ведущее место в литературных кругах, но был уязвлен тем, что меня совершенно не замечали и не знали. Отчасти его разочарование объяснялось тем, что он переоценил мои способности, а отчасти — моей нелюбовью к математическим рассуждениям в то время, когда мое воображение и память, еще не удовлетворенные, стремились к новым объектам, а не к размышлениям о том, что мне уже было известно. Это, однако, не нравилось моим наставникам, которые, правда, замечали, что я немного туповат, но в то же время признавали, что я очень добродушен и безобиден». [Сноска: «Гражданин мира», письмо XXVII.]

Единственным из его родственников, кто, казалось, не терял веры в него, был его дядя Контарин. Говорят, этот добрый и заботливый человек видел в нем пылкое сердце, которое нужно было направить в нужное русло, и скрытый талант, которому требовалось время, чтобы раскрыться. Эти впечатления не были полностью утрачены, несмотря на все последующие безумства и выходки. Поэтому его кошелёк и сердце, как и дом, были открыты для племянника, и после смерти отца он стал его главным советчиком и наставником. Он убеждал его готовиться к принятию духовного сана, и другие родственники поддерживали этот совет. Голдсмит испытывал стойкое отвращение к церковной жизни. Одни объясняли это его шепетильностью в вопросах совести и тем, что он считал себя неподходящим по характеру и складу ума для столь священного служения; другие — его склонностью к путешествиям и желанием посетить другие страны; сам он в своей биографии «Человека в чёрном» приводит забавное возражение:

«Я считал, что необходимость носить длинный парик, когда мне больше нравился короткий, или чёрный сюртук, когда я обычно одевался в коричневое, настолько ограничивала мою свободу, что я категорически отверг это предложение».

Однако в конце концов его сомнения были развеяны, и он согласился пройти обучение, необходимое для получения сана. Ему был всего двадцать один год, и ему предстояло пройти двухлетний испытательный срок. Эти два года он вёл довольно праздный и беспорядочный образ жизни. Иногда он бывал в Лиссое, с бездумным удовольствием участвуя в сельских заба-

вах и занятиях своего шурина, мистера Ходсона; иногда гостил у своего брата Генри в старом особняке в Палласе, помогая ему в школе. Ранний брак и отказ от честолюбивых устремлений, побудившие Генри выйти в отставку, хоть и разрушили радужные планы его отца, в конечном итоге оказались удачными. Он уже был окружен любящей семьёй, был доволен своей судьбой, его любили прихожане, и он ежедневно проявлял все свои добродетели, получая за это немедленное воздаяние. О нежной привязанности, которую питал к нему Голдсмит благодаря неизменной доброте этого замечательного брата, и о том, с какой тоской он вспоминал об этом семейном счастье в одиноких скитаниях последующих лет, мы узнаем из трогательного вступления к его поэме «Путешественник»:

*Медлительный, тихий, далёкий, печальный
У Шельды ленивой, у быстрого По
Где б я ни скитался в тот год изначальный
Но сердце моё меня к милой влекло.
Для бедного сердца, не знавшего блага,
Но знавшего, как добывается хлеб,
От каждого сна и от каждого шага
Всё более длинной сплетается цепь.
Святое ли таинство или услуга,
Но снова и вновь извергают уста —
От благословений, венчающих друга
До благословений родного гнезда.
В том мире, где только чужие юдоли
И каждый из нас бесприютен и наг,
Где место, где можно забыться от боли,
И где полыхает приветный очаг?*

В этой праздной жизни Голдсмит не стремился к знаниям, а развлекался чтением всего подряд: биографий, книг о путешествиях, поэзии, романов, пьес — словом, всего, что навывдумывали всякие писак и питало его воображение. Иногда он прогуливался по берегам реки Инни, где в последующие годы, когда он уже стал знаменитым, ему показывали его любимые места. Часто он присоединялся к деревенским забавам и научился ловко метать санки — излюбленное в Ирландии упражнение на ловкость и силу. Воспоминания об этих «полезных для здоровья забавах» мы находим в его поэме «Покинутая деревня»:

*Благословляю день грядущий,
Где сон мой сменится игрой,
И глас веселья тешит кущи,
И дух рождает молодой.
И по земле лишь топот ног,
Я слушать до рассвета мог.*

Приятелем во всех его сельских забавах был его кузен и однокашник по колледжу Роберт Брайэнтон, с которым он время от времени гостил в Баллималви-Хаус неподалеку. Они часто совершали пешие прогулки по окрестностям, иногда рыбачили, иногда охотились на выдр в Инни. В маленькой гостинице в Баллимахоне они организовали загородный клуб, в котором Голдсмит вскоре стал непререкаемым авторитетом и главным остряком, поражая своих неграмотных товарищей своей ученостью и считаясь непревзойденным рассказчиком и сочинителем песен. Из деревенской атмосферы, царившей в гостинице в Баллимахоне, и из компании,

которая там собиралась, он почерпнул кое-что для своих будущих описаний Тони Лампкина и его приятелей:

«Дик Маггинс, акцизный чиновник; Джек Слэнг, коновал; маленький Амидаб, который точит музыкальную шкатулку, и Том Твист, который крутит оловянное блюдо».

Более того, считается, что застольная песня Тони в «Три Весёлые Голубки» была не чем иным, как переделкой одной из застольных песен в Баллимахоне:

Тордл!
«Ну что ж, налей-ка, братец нам,
Покрепче зелья в кубки,
Добавь веселья господам!
Да будут «Три голубки»!
Тордл!
Тордл!
Тордл!
Сердца крепки и крепок эль,
Пусть крикнет громко кто-то:
«Вальдишнел иль заяц, вот вам хмель
Для горнего полёта!
Тордл!
Тордл!
Тордл!
Пусть дрофы и перепела,
Горланящие утки
Переорут колокола,
А в ними «Три Голубки»
Тордл!
Тордл!
Тордл!

Несмотря на все его достижения и популярность в сельской местности, друзья, говоря о нём, качали головами и пожимали плечами, а его брат Генри без всякого удовольствия отмечал его частые визиты в клуб в Баллимахоне. Однако он вышел невредимым из этого опасного испытания, в этом отношении ему повезло больше, чем его товарищу Брайантону, но он на всю жизнь сохранил любовь к клубам. Часто на протяжении своей непростой жизни он вспоминал этот период деревенских забав и беззаботных удовольствий как одно из немногих светлых пятен в своей мрачной жизни. И хотя в конце концов он стал общаться с людьми более высокого полёта, его сердце по-прежнему втайне тосковало по «ТРЕМ ВЕСЁЛЫМ ГОЛУБЯМ».

Глава Третья

ГОЛЬДСМИТ ПОЛУЧАЕТ ОТКАЗ ОТ ЕПИСКОПА — ВТОРАЯ ПОПЫТКА ПОЗНАТЬ МИР — ОТПРАВЛЯЕТСЯ В АМЕРИКУ — КОРАБЛЬ УХОДИТ БЕЗ НЕГО — ВОЗВРАЩЕНИЕ НА «ФИДЛ- БЭК» — ГОСТИНИЧНЫЙ ДРУГ — СОВЕТНИК

Настало время Голдсмиту подать прошение о рукоположении, и он предстал перед епископом Эльфинским для посвящения в сан. Мы уже упоминали о его главном возражении против церковной жизни — необходимости носить чёрное облачение.

Как бы странно это ни звучало, но именно одежда стала препятствием на его пути к вступлению в лоно церкви. Он всегда питал страсть к ярким цветам и любил наряжать свою крепкую, но нескладную фигурку в пёстрые одежды. И в этот торжественный день, когда, казалось бы, его облачение должно было быть подобающе строгим, он явился в ярко-красных бриджах!

Епископ отказал ему в рукоположении. Одни говорят, что причиной стало недостаточное усердие в учебе: его прогулки и шалости с Бобом Брайантоном, а также кутежи в клубе в Баллимахоне сильно мешали его несравненным богословским изысканиям. Другие приписывают отказ слухам о его проступках в колледже, которые дошли до епископа от его старого приятеля Уайлдера. Но те, кто смотрит на ситуацию более проницательным взглядом, утверждают, что главной причиной отказа стали дерзкие ярко-красные бриджи.

«Друзья мои, — говорит Голдсмит устами своего остроумного персонажа, „Человека в чёрном“, — друзья мои теперь были совершенно уверены, что я погиб, и всё же им было жаль человека, в котором не было ни капли дурного и который был так добросердечен».

Однако его дядя Контарини по-прежнему был полон доброты, хотя и не питал особых надежд на благополучный исход. Он подыскал Оливеру место попроще, и благодаря его влиянию и стараниям Оливера взяли гувернёром в семью мистера Флинна, местного джентльмена. Должность была вполне приличной: Оливер сидел за одним столом с хозяевами и участвовал в их домашних развлечениях и вечерних карточных играх. Однако ему претило раболопное отношение, и фамильярное общение с хозяевами не прибавляло ему почтительности по отношению к ним. Он обвинил одного из членов семьи в нечестной игре в карты. Последовала бурная ссора, в результате которой Оливер лишился места гувернёра. Когда ему выплатили выходное пособие, он обнаружил, что у него на руках неслыханная сумма денег. Его страсть к путешествиям и желание повидать мир тут же взяли верх. Не посвящая друзей в свои планы и намерения, он раздобыл хорошего коня и с тридцатью фунтами в кармане отправился во вторую свою вылазку в большой мир. Достойная племянница и экономка героя Ламанчи была бы не меньше удивлена и встревожена одной из тайных вылазок дона, чем мать и друзья Голдсмита, когда те узнали о его загадочном отъезде.

Прошли недели, а о нём не было ни слуху ни духу. Все боялись, что он уехал из страны в ходе очередной своей безумной авантюре, и его бедная мать была уже почти в отчаянии, когда однажды он появился на пороге её дома, почти такой же оборванный, как блудный сын на какой-нибудь классической гравюре. От его тридцати фунтов не осталось ни шиллинга, а вместо прекрасного скакуна, на котором он отправился в путь, у него был жалкий пони, которого он прозвал Скрипучкой.

Как только мать убедилась, что с ним все в порядке, она хорошенько отчитала его за опрометчивый поступок. Его братья и сестры, которые были к нему очень привязаны, вмеша-

лись и сумели смягчить её гнев. И какой бы затаённый гнев ни кипел в душе этой доброй женщины, он, без сомнения, был окончательно погашен следующим причудливым рассказом, который он сочинил в доме своего брата и отправил ей:

«Дорогая матушка, если вы присядете и спокойно выслушаете то, что я скажу, то получите ответы на все свои многочисленные вопросы. Я отправился в Корк и обменял свою лошадь, которую вы цените гораздо выше, чем Фиддлбека, на деньги, купил билет на корабль, идущий в Америку, и в то же время заплатил капитану за фрахт и все прочие расходы, связанные с моим путешествием. Но так случилось, что три недели дул встречный ветер, а вы знаете, матушка, что я не властен над стихией. К несчастью, когда ветер подул, я оказался в отъезде, и мой друг капитан даже не спросил обо мне, а отплыл с таким безразличием, словно я был на борту. Оставшееся время я провёл в городе и его окрестностях, осматривая все достопримечательности, и, как вы знаете, никто не может голодать, если у него есть деньги в кармане. Однако, когда у меня осталось всего две гиней, я начал думать о своей дорогой матушке и друзьях, которых я оставил в Корке, и потому купил этого благородного скакуна по кличке Фиддлбек и распрощался с Корком, имея в кармане всего пять шиллингов. Конечно, этого было мало для человека и лошади, чтобы проделать путь длиной более ста миль, но я не отчаивался, потому что знал, что в дороге найду друзей. Особенно я помнил о старом верном знакомом, с которым познакомился в колледже. Он часто и настойчиво уговаривал меня провести лето у него, а жил он всего в восьми милях от Корка. Он особенно напирал на то, что мы живём совсем рядом.

«Мы насладимся прелестями города и сельской местности, — говорил он, — и ты будешь распоряжаться моей конюшней и моим кошельком».

Однако по дороге я встретил бедную женщину в слезах, которая рассказала мне, что её мужа арестовали за неуплату долга и что теперь его восемь детей будут голодать, лишившись единственного источника дохода. Я чувствовал себя как дома, ведь я был недалеко от дома моей подруги, и поэтому отдал ей половину всех своих сбережений. И, прошу прощения, матушка, разве не должен был я отдать ей вторую половину кроны, ведь то, что она получила, вряд ли ей пригодилось бы? Однако вскоре я добрался до дома моей любящей подруги, охраняемого огромным мастифом, который бросился на меня и разорвал бы в клочья, если бы не помощь женщины, чье лицо было не менее суровым, чем у собаки. Но она с большим великодушием вырвала меня из пасти этого Цербера и согласилась передать моё имя своему хозяину.

Не заставив меня долго ждать, мой старый друг, который в то время оправлялся после тяжёлого приступа болезни, спустился ко мне в ночном колпаке, халате и тапочках, сердечно обнял меня, провёл в дом и, рассказав о своем недомогании, заверил, что считает себя особенно счастливым оттого, что под его крышей находится человек, которого он любит больше всех на свете и чьё присутствие, несомненно, поспособствует его скорейшему выздоровлению. Теперь я горько сожалел о том, что не отдал бедной женщине вторую половину кроны, ведь я был уверен, что этот достойный человек с готовностью откликнется на все мои проявления человеколюбия. Я открыл ему душу, поведал обо всех своих невзгодах и признался, что у меня в кармане всего полкроны, но теперь я, словно корабль, переживший шторм, чувствую себя в безопасности в этой гостеприимной гавани. Он ничего не ответил, а лишь прошёлся по комнате, потирая руки, словно погруженный в глубокие раздумья. Я приписал это сочувствию, исходящему от его доброго сердца, и мое уважение к нему возросло, а вместе с ним и надежда на то, что его молчание не означает отказа. Я истолковал это как проявление деликатности, как будто он боялся задеть мою гордость, выражая сочувствие словами, и хотел, чтобы его благородное поведение говорило само за себя. «Было около шести часов вечера, и, поскольку я не завтракал, а настроение у меня было приподнятое, аппетит разыгрался не на шутку. Наконец в комнату вошла старуха с двумя тарелками, одной ложкой и грязной скатертью, которую она постелила на стол. Это зрелище не улучшило моего настроения, но и не уменьшило аппетита. Вскоре моя покровительница вернулась с небольшой миской саго, маленькой пиалой кислого

молока, буханкой черствого чёрного хлеба и куском старого сыра, по которому ползали клещи. Мой друг извинился и сказал, что из-за болезни вынужден питаться объедками, а лучшей еды в доме нет. При этом он заметил, что молочная диета, безусловно, самая полезная для здоровья, а в восемь часов снова посоветовал мне вести размеренный образ жизни, заявив, что сам он ложится спать с ягнёнком, а встает с петухом. К этому времени я так сильно проголодался, что хотел съесть ещё кусок хлеба, но был вынужден лечь спать без ужина. Эти Лукулловы пиры, которыми я был принуждён развлекся в Великий пост, заставило меня принять решение уехать как можно скорее. Поэтому на следующее утро, когда я заговорил о своем отъезде, он не стал возражать, а, напротив, одобрил мое намерение и дал весьма мудрый совет по этому поводу.

«Конечно, — сказал он, — чем дольше ты будешь отсутствовать, тем больше огорчишь свою мать и других друзей. Возможно, они уже и так расстроены из-за этой твоей глупой затеи».

Несмотря на всё это и не надеясь смягчить столь корыстное сердце, я снова завёл разговор о своих затруднениях и спросил, как, по его мнению, я смогу проехать больше ста миль на полкроны? Я попросил одолжить мне одну гинею, заверив его, что верну долг с благодарностью.

«И вы же знаете, сэр, — сказал я, — я сделал для вас не больше того, что вы для меня».

На что он твердо ответил: «Послушайте, мистер Голдсмит, это к делу не относится. Я вернул вам всё, что вы мне одалживали, а из-за этой моей болезни у меня совсем не осталось денег. Но я тут подумал, как бы вам помочь. Продайте свою лошадь, и я дам вам другую, гораздо лучше, на которой вы сможете ездить».

Я с готовностью ухватился за это предложение и попросил показать мне клячу. Он отвел меня в свою спальню и вытащил из-под кровати толстую дубовую трость. «Вот она, — сказал он. — Возьмите ее, и она доставит вас к матери в большей безопасности, чем та лошадь, на которой вы ездите».

Когда трость оказалась у меня в руках, я засомневался, не приложить ли мне ее для начала к его голове, но стук в дверь заставил негодя броситься к выходу, а когда я вернулся в гостиную, он представил меня, как ни в чем не бывало, вошедшему джентльмену как мистеру Голдсмиту, своему самому изобретательному и достойному другу, о котором он так часто с восторгом отзывался. Я с трудом взял себя в руки и, должно быть, не сумел скрыть негодование от незнакомца, который оказался местным адвокатом, человеком приятной наружности и вежливым в общении.

«Через час он пригласил нас с моим другом отобедать у него дома». Сначала я отказался, так как не хотел больше общаться со своим гостеприимным другом, но в конце концов уступил их уговорам, побуждаемый двумя причинами: во-первых, я был очарован внешностью и манерами советника, а во-вторых, мне очень хотелось вкусно поужинать. И действительно, там было всё, чего я только мог пожелать: изобилие без излишеств и элегантность без вычурности. Вечером, когда мой старый друг, который плотно поужинал за соседским столом, но снова заговорил о том, что пора на боковую, сделал мне знак, что пора расходиться, наш щедрый хозяин предложил мне переночевать у него, на что я прямо сказал своему старому другу, что он может идти домой и позаботиться о лошади, которую он мне подарил, но я никогда больше не переступлю порог его дома. Он ушел, посмеиваясь, а я добавил это к тому, что советник уже знал о своем обходительном соседе.

«И вот, моя дорогая матушка, я нашёл утешение, которое примирило меня со всеми моими глупостями, ибо здесь я провел целых три дня. У советника было две прелестные дочери, которые чудесно играли на клавишине; и все же, когда я впервые услышал их игру, это было печальное удовольствие, ибо они впервые прикоснулись к инструменту после смерти матери, и я видел, как по щекам их отца беззвучно катились слезы. Каждый день я пытался уехать, но каждый день меня уговаривали остаться. Перед моим отъездом советник предложил

мне свой кошелек, а также лошадь и слугу, чтобы я мог добраться до дома, но от слуги я отказался и взял только гинею на дорожные расходы.

ОЛИВЕР ГОЛДСМИТ.

Глава Четвёртая
НАЧИНАЕТ ИЗУЧАТЬ ЮРИСПРУДЕНЦИЮ —
НАЧИНАЕТ С НАРУШЕНИЙ — КУЗИНА ДЖЕЙН И
ВАЛЕНТИНА — СЕМЕЙНЫЙ ОРАКУЛ — НАЧИНАЕТ
ИЗУЧАТЬ МЕДИЦИНУ — «ХОКУС-ПОКУС»
В ПАНСИОНЕ — ПРЕВРАЩЕНИЯ БАРАНЬЕЙ
НОГИ — ЛОЖНЫЙ ПРИЗРАК — ЗАРИСОВКИ О
ШОТЛАНДИИ — ИСПЫТАНИЯ ТОДИЗМОМ — СУМКА
ПОЭТА ДЛЯ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КОНТИНЕНТУ

Друзья Голдсмита снова посовещались о его будущем и решили, что ему стоит попробовать себя в юриспруденции. Его дядя Контарин согласился выделить необходимые средства и даже одолжил ему пятьдесят фунтов, с которыми тот отправился в Лондон, чтобы начать обучение в Темпле. К несчастью, в Дублине он познакомился с одним своим приятелем из Роскоммона, который был весьма умён и обаятелен и который заманил его в игорный дом и вскоре оставил без гроша в кармане, как в те времена, когда он ещё скакал верхом на своем грозном Фиддлбэке.

Ему было так стыдно за этот новый пример вопиющей беспечности и опрометчивости, что он ещё какое-то время оставался в Дублине, не сообщая друзьям о своем бедственном положении. Однако они узнали об этом, и его пригласили обратно в Ирландию. Щедрый дядя великодушно простил его, чего нельзя было сказать о матери, которая была уязвлена и обескуражена тем, что все её надежды на сына раз за разом терпели крах.

Брат Генри тоже начал терять терпение из-за этих постоянных неудач, случавшихся из-за его необдуманных поступков, и между ними произошла ссора, которая на какое-то время прервала их обычно тёплые отношения. Единственным домом, где бедный заблудший Голдсмит по-прежнему был желанным гостем, был пасторский дом его любящего и всепрощающего дяди. Там он беседовал о литературе с этим добрым, простодушным человеком и радовал его и его дочь своими стихами. Джейн, с которой он когда-то играл, теперь стала взрослой женщиной; их общение стало более интеллектуальным, чем раньше; они беседовали о поэзии и музыке; она играла на клавесине, а он аккомпанировал ей на флейте. Возможно, его музыка не отличалась особой художественностью, поскольку он всегда играл на слух; возможно, она была так же хороша, как и стихи, которые, если судить по следующему отрывку, были еще совсем незрелыми:

**ЮНОЙ ЛЕДИ В ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА
С РИСУНКОМ В ВИДЕ СЕРДЦА**

Смиренно преклоняю пред тобой
Рисунок в день Святого Валентина,
Вот пропуск для любви моей живой,
Хоть Скромность нарекла его Картиной.
Смиренно преклоняюсь перед тобой,
Как птица, пусть к тебе он прилетит
И на груди волнительно трепещет,

Пусть сердце он найдёт в конце пути,
А сердце обретёт иные вещи.
И пусть игрушка мирная моя
Любимой вещью станет для любимой,
И не сомнутся тонкие края
Того, что так легко, неуловимо.
Прижми его, красавица к груди
И с ним усни и пусть тебе приснится
То счастье, что маячит впереди,
Как белая, таинственная птица.
Пусть в этом сердце обретёт он дом.
И каждый вечер, отходя ко сну,
Шепчи, шепчи, шепчи мне вечно:
Люби меня! Люби меня одну!
Пастух мой, дорогой и бессердечный
Принесенное в дар в День святого Валентина;
С той стороны, где дерево росло,
Как в первый раз, тогда, где птичий рай
Нам с будущее открывает дверцу,
Своё сокровище теперь и ты отдай
И дай прижать к трепещущему сердцу.

Если эта валентинка была предназначена прекрасной Джейн и выражала нежные чувства, которые питал к ней юный поэт, то она оказалась напрасной, поскольку вскоре Джейн вышла замуж за мистера Лоудера. Однако мы полагаем, что это была всего лишь мимолётная поэтическая страсть, которая зарождается в праздности и находит выход в рифмах. Пока Оливер брел на волынке и сочинял стихи в доме приходского священника, его дядю Контарина навестил декан Голдсмит из Клойна — своего рода магнат в обширной, но недалёковидной семейной сети, где его слово было законом и почти непреложной истиной. Этот высокопоставленный сановник счёл, что в Оливере есть задатки таланта, и предположил, что раз уж тот безуспешно пытался стать богословом и юристом, то теперь ему стоит попробовать себя в медицине.

Совет исходил из слишком влиятельного источника, чтобы его можно было проигнорировать, и было решено отправить Оливера в Эдинбург, чтобы он начал там свое обучение. Декан не только дал совет, но и, как мы полагаем, благословил его, хотя и не дал главного — денег. Таким образом благословение утратило едва ли не половину своей божественной силы.

Оливеру пришлось рассчитывать на скудные средства брата Голдсмита, его сестры (миссис Ходсон) и всегда готового помочь дяди Контарина.

Осенью 1752 года Голдсмит приехал в Эдинбург. Его первое появление в этом городеполнило список его опрометчивых поступков и неудач. Сняв жилье наугад, он оставил там свой сундук со всеми пожитками и отправился осматривать город. Прогулявшись по улицам допоздна, он уже собрался было вернуться домой, как вдруг, к своему смущению, обнаружил, что не знает ни имени своей квартирной хозяйки, ни названия улицы, на которой он только что обрёл долгожданное жильё. К счастью, в самый разгар его нелепых метаний он встретил того самого грубияна-носильщика, который принёс его сундук и теперь стал его проводником. Он недолго пробыл в снятом жилье. Хозяйка слишком искусно владела тем «фокусом-покусником» за столом, который часто практикуется в дешёвых пансионах. Никто не умел так виртуозно превращать один и тот же кусок мяса в разные блюда. Баранья корейка её, по словам Голдсмита, могла кормить его и двух его сокурсников целую неделю.

«В один день подавали отбивную с корочкой, в другой — жареный стейк, в третий — отбивные с луковым соусом, и так далее, пока не были съедены все мясные части несчастного животного. На седьмой день из костей сварили бульон, и хозяйка смогла отдохнуть от трудов». Голдсмит относился ко всему с юмором и какое-то время забавлялся выходками своей квартирной хозяйки, которые казались ему нелепыми. Однако вскоре он познакомился с соотечественниками, с которыми учился, и переехал к ним в более приличное жильё. Теперь он посещал лекции по медицине и вступил в студенческое объединение под названием «Медицинское Общество». Как обычно, он начал с благих намерений, но, как обычно, вскоре впал в праздность, пристрастился к шумным пирушкам и перестал думать о будущем.

Эдинбург стал суровым испытанием для человека с таким темпераментом. Все только и делали, что веселились, а таверна была излюбленным местом дружеских посиделок товарищам по несчастьям. К тому же Голдсмит водил дружбу в основном с ирландскими студентами, которые всегда были готовы на безумные выходки и шалости. Среди них он был всеобщим любимцем и в некотором роде лидером благодаря своему весёлому нраву, чувству юмора, изобретательности на забавы и таланту петь ирландские песни и рассказывать ирландские истории. Его обычная беспечность в денежных вопросах давала о себе знать повсеместно. Несмотря на то, что деньги из дома поступали скудно и нерегулярно, он так и не смог приучить себя к бережливости и экономии. Часто он проигрывал все свои сбережения в карты, а иногда тратил их в порыве бескорыстной щедрости. Иногда в компании приятелей он вёл себя до нелепости тщательно, и никто не смеялся над этим так охотно, как он сам.

Как-то раз на дружеской встрече с несколькими однокурсниками он вдруг предложил бросить жребий, чтобы решить, кто из них угостит всех присутствующих в театре. Как только это предложение сорвалось с его губ, у него душа ушла в пятки.

«К моей великой, хоть и тайной, радости, — рассказывал он, — все отказались. Если бы они согласились и я бы проиграл, мне пришлось бы заложить часть своего гардероба, чтобы раздобыть денег».

На другой такой встрече разгорелся жаркий спор о призраках. Некоторые были твёрдо убеждены в том, что души умерших могут возвращаться, чтобы навестить своих друзей и любимые места. На следующий день один из участников спора отплыл в Лондон, но судно вернулось из-за непогоды. О его возвращении знал только один из тех, кто верил в призраков, и они с товарищем решили разыграть своих оппонентов. Вечером на этом студенческом сборище дискуссия возобновилась, и одного из самых ярых противников призраков спросили, считает ли он себя неуязвимым для наглядных доказательств. Он продолжал насмехаться. Был проведён торжественный обряд экзорцизма, и перед собравшимися предстал тот самый товарищ, который, как предполагалось, отправился в Лондон. Эффект был сокрушительным. Неверующий упал в обморок при виде призрака и в конце концов сошёл с ума. Мы не знаем, какую роль в этой истории сыграл Голдсмит, который присутствовал при этом.

Следующее письмо, адресованное его другу Брайантону, содержит некоторые впечатления Голдсмита о Шотландии и её жителях, а также демонстрирует тот юмор, который был характерен для некоторых его более поздних произведений.

«Роберту Брайантону,

в Баллимахоне, Ирландия. Эдинбург, 26 сентября 1753 года.

«Мой дорогой Боб, сколько бы я ни придумывал оправданий (а ты знаешь, что я всегда был мастером придумывать оправдания), чтобы объяснить свое постыдное молчание в прошлом. Я мог бы рассказать, что написал тебе длинное письмо, когда только приехал сюда, и очень разозлился, не получив ответа; мог бы сослаться на то, что дела (а ты знаешь, что меня вечно донимали делами) не оставляли мне времени взяться за перо. Но я не буду упоминать об этих и еще двадцати других правдоподобных и легко придумываемых оправданиях, потому

что они могут привести к небольшому неудобству — разоблачению лжи. Поэтому я буду говорить правду. Наследственная лень (она досталась мне от матери) до сих пор мешала мне написать тебе и по-прежнему мешает написать ещё по меньшей мере двадцать пять писем из-за моих друзей в Ирландии. Ни одна белка, крутящая колесо, не забирается в него с большей неохотой, чем я сажусь писать; и всё же ни одна собака не любит жареное мясо, ради которое она это колесо крутит, так сильно, как я люблю то, к кому сейчас обращаюсь. И что же мне сказать теперь, когда я начал? Не утомить ли тебя описанием этой бесплодной страны, где мне придётся влачить тебя по холмам, поросшим густым вереском, или по долинам, где едва ли хватит еды даже для кролика-самоубийцы? Кажется, что человек — единственное существо, которое смогло приспособиться к этой бедной почве. Вся страна представляет собой унылый однообразный пейзаж. Ни роща, ни ручей не радуют слух чужестранца и не заставляют местных жителей забыть о своей крошечной бедности. И всё же, несмотря на все эти упущения и недостатки, которые должны были бы смирить его гордыню, шотландец — один из самых гордых людей на свете. У бедняков всегда наготове гордость, которая их выручает и служит путеводной звездой в мире лишений. Если общество их презирает, то они сами себе хозяева и могут вдоволь тешить своё самолюбие. Из их гордости и бедности, как мне кажется, проистекает одно преимущество этой страны, а именно то, что здешние джентльмены гораздо лучше воспитаны, чем у нас. Здесь нет таких людей, как наши охотники на лис, и они очень удивились, когда я рассказал им, что в Ирландии есть люди с доходом в тысячу фунтов в год, которые всю жизнь гоняются за зайцами и каждый день напиваются до беспамятства. Воистину, если бы такой человек в охотничьем костюме появился в кругу шотландских дворян, они смотрели бы на него с таким же изумлением, с каким крестьянин смотрит на короля Георга верхом на коне.

У здешних мужчин, как правило, высокие скулы, они худощавы и смуглы, любят активный образ жизни, особенно танцы. Раз уж я упомянул танцы, позвольте мне сказать несколько слов об их балах, которые здесь проводятся очень часто. Когда незнакомец входит в танцевальный зал, он видит, что в одном конце комнаты дамы уныло сидят отдельной группой, а в другом — их задумчивые кавалеры, которые должны составить им пару. Но между полами не больше взаимодействия, чем между двумя враждующими странами. Дамы могут строить глазки, а джентльмены — вздыхать, но на более тесное общение наложен запрет. Наконец, чтобы прервать вражду, распорядительница бала, или интендант, или как там это у них называется, выбирает пару для менуэта, который они исполняют с церемонностью, граничащей с погребальным унынием. После того как пять или шесть пар проходят сквозь строй, все встают, чтобы потанцевать контрдансы. У каждого джентльмена есть партнёрша, которую ему предоставляет вышеупомянутая распорядительница бала. Так они танцуют до умопомрачения и почти не разговаривают, и на этом наше собрание заканчивается». Я сказал одному шотландскому джентльмену, что такая глубокая тишина напоминает древнюю процессию римских матрон в честь Цереры, и этот шотландский джентльмен ответил мне (и, честное слово, я думаю, что он был прав), что я слишком уж педантичен в своих исторических изысканиях, которые, по его мнению, не имеют никакого отношения к сегодняшнему дню.

Теперь я перейду к дамам. И чтобы показать, что я люблю Шотландию и всё, что связано с этой прекрасной страной, я настаиваю на том, что шотландские дамы в десять тысяч раз утончённее и красивее ирландских. Конечно, я вижу, что ваши сестры Бетти и Пегги крайне удивлены моим пристрастием, но я прямо говорю им, что не ценю ни их самих, ни их прекрасную кожу, ни глаза, ни здравый смысл, ни... ни даже картошку. Я говорю это и буду стоять на своём, и в качестве убедительного доказательства (я очень рассержен) того, что я утверждаю, приведу слова самих шотландских дам. Но если говорить менее серьёзно, то где ещё вы найдёте язык, который так красиво звучал бы в устах прелестных шотландских дам? И женщины здесь говорят на нём в высшей степени чисто и их говор напоминает мне песни каких-то горных птиц. Например, научите одну из ваших юных леди дома произносить фразу «Whoar wull I gong?» с

подобаяющим придыханием, и я готов поклясться, что она потрясёт всех, кто её услышит. У нас нет такого понятия, как кокетство, но, увы! сколько же здесь завистливых ханжей! Несколько дней назад я зашел к лорду Килкубри (не удивляйся, милорд всего лишь перчаточник), [сноска: Уильям Маклеллан, претендовавший на этот титул, чей сын в 1773 году добился успеха в этом деле. Говорят, что отец Уильяма голосовал на выборах шестнадцати пэров от Шотландии и продавал перчатки в фойе на этом и других публичных мероприятиях.] когда мимо проезжала герцогиня Гамильтон (та самая красавица, которая пожертвовала своей красотой ради амбиций, а душевным спокойствием — ради титула и позолоченного экипажа). Рядом с ней в карете сидел её изрядно потрепанный жизнью муж, или, точнее, хранитель её очарования. Три дамы, сидевшие рядом со мной, принялись выискивать недостатки в безупречной внешности герцогини.

«Что до меня, — сказала первая, — то я по-прежнему считаю, что у герцогини слишком румяное лицо».

«Мадам, я с вами согласна, — подхватила вторая, — мне кажется, что её лицо слишком бледное и утончённое».

«И позвольте мне заметить, — добавила третья дама, поджав губы так, что они стали похожи на вопросительный знак, — что у герцогини красивые губы, но ей не хватает рта».

При этих словах все дамы поджали губы, словно собираясь произнести букву «П». Но как же мне не к лицу, мой Боб, насмехаться над женщинами, с которыми я едва ли знаком! Несомненно, здесь есть красивые женщины, и несомненно, что у них есть красивые ухажоры. Бедный и некрасивый мужчина — это общество только для самого себя, и таким обществом мир позволяет мне наслаждаться в избытке. Фортуна дала тебе положение в обществе, а природа — внешность, чтобы ты был очарователен в глазах прекрасных дам. И я не завидую моему дорогому Бобу, ведь я могу сидеть и смеяться над миром и над собой — самым нелепым существом в нём. Но, как видите, сударь, я совсем расклеился, и, возможно, это состояние продлится до тех пор, пока я не получу ответ на это письмо. Я знаю, что вы не можете присылать мне много новостей из Баллимахона, но все равно присылайте, что есть, — мне будет приятно получить от вас хоть что-то. «Интересно, Джордж Конвей уже повесил вывеску? Или Джон Бинли перестал пить? Или Том Аллен купил новый парик? Но я предоставляю вам, милостивый государь, право выбора, что писать. Пока я жив, знайте, что у вас есть верный друг, и т. д. и т. п.»

«ОЛИВЕР ГОЛДСМИТ.

P.S. Передайте мои искренние пожелания (только не комплименты, если вы не против) вашей замечательной семье и передайте от меня привет моей матушке, если увидите её, потому что, как вы выражаетесь в Ирландии, я пока что питаю к ней тайную симпатию. Письма направляйте мне, — —, студенту-медику, в Эдинбург».

За время своего пребывания в Эдинбурге он не написал ничего достойного внимания, да и его поэтический дар, как бы высоко его ни ценили друзья, пока не подарил миру ничего выдающегося. Однажды он на месяц отправился в путешествие в Хайленд.

«В первый день я шёл пешком, — пишет он в письме к своему дяде Контарину, — но из-за мозоли на пальце ноги, которая не дает мне покоя, я решил больше не прибегать к этому дешёвому способу передвижения. Поэтому на второй день я нанял лошадь размером с барана, и она ушла (она не могла скакать рысью) такая же задумчивая, как и её хозяин».

Во время своего пребывания в Шотландии он благодаря своим талантам в застольном искусстве снискал внимание высокопоставленных особ, но у него хватило здравого смысла правильно оценить ситуацию. «Я проводил, — пишет он в одном из своих писем, — больше двух недель, через день навещаясь к герцогу Гамильтону, но, похоже, я им больше по нраву в качестве шута, чем компаньона, так что я с презрением отверг столь рабское занятие, недостойное моего врачебного призвания».

Здесь мы снова находим истоки другого отрывка из его автобиографии, написанного от лица «Человека в чёрном», в котором этот достойный джентльмен предстаёт в роли льстеца при дворе.

«Поначалу, — пишет он, — я был удивлён, что положение льстеца за столом у вельможи может кому-то показаться неприятным. Не так уж сложно было внимательно слушать, когда его светлость говорит, и смеётся, когда он оглядывается в поисках одобрения. Этого от меня требовали даже правила хорошего тона. Однако вскоре я понял, что его светлость был ещё большим глупцом, чем я сам, и с этого момента с лестью было покончено. Теперь я скорее стремился указать ему на его ошибки, чем покорно сносить его нелепости. Лстить тем, кого мы не знаем, легко, но лстить нашим близким знакомым, чьи слабости у нас на виду, — невыносимо тяжело. Всякий раз, когда я открывал рот, чтобы вознести хвалу, моя лож становилась для меня укором и меня выдавал предательский петушинный клёкот. Его светлость вскоре понял, что я совершенно не годюсь для этой почётной, шутовской службы, и уволил меня. При этом мой покровитель любезно заметил, что, по его мнению, я довольно добродушен и не представляю собой ничего дурного».

Проведя две зимы в Эдинбурге, Голдсмит собрался продолжить медицинское образование на континенте, на что его дядя Контарин согласился выделить средства.

«Я намерен, — писал он в письме к дяде, — посетить Париж, где великие Фархейм, Пети и Дю Аммель де Монсо обучают своих учеников всем отраслям медицины. Они говорят по-французски, и, следовательно, у меня будет большое преимущество перед большинством моих соотечественников, поскольку я в совершенстве владею этим языком, а из тех, кто уезжает из Ирландии, мало кто им владеет. Я проведу весну и лето в Париже, а в начале следующей зимы поеду в Лейден. Великий Альбинус ещё жив, и было бы неплохо съездить туда хотя бы для того, чтобы сказать, что мы учились в столь знаменитом университете. Поскольку у меня не будет другой возможности получить деньги от вашей щедрости до моего возвращения в Ирландию, я снял последнюю сумму, из-за которой, надеюсь, когда-нибудь побеспокою вас; это 20 фунтов стерлингов. А теперь, дорогой сэр, позвольте мне выразить признательность за то скромное положение, в котором вы меня застали; позвольте мне рассказать, как меня презирали многие и как я был ненавистен самому себе. Бедность, безнадёжная бедность была моим уделом, и меланхолия начинала овладевать мной. Когда вы... Но я остановлюсь здесь, чтобы поинтересоваться, как ваше здоровье? Как поживает моя кузина Дженни и излечилась ли она от своей недавней болезни? Как поживает мой бедный Джек Голдсмит? Боюсь, что его болезнь такого характера, что ему нелегко будет оправиться. Я бы хотел, мой дорогой сэр, чтобы вы ошастливили меня ещё одним письмом, прежде чем я уеду за границу, потому что там я вряд ли получу от вас весточку... Передайте мои — как бы это выразиться... Передайте мою искреннюю любовь мистеру и миссис Лоудер.

Миссис Лоудер была Джейн, его первой подругой по играм, объектом его «валентинки», его первым поэтическим вдохновением. Она уже некоторое время была замужем. Как можно понять, официальной целью этой поездки на континент было получение медицинского образования, но настоящей, по всей вероятности, было его давнее желание повидать мир. Однако он не признавался в этом даже самому себе и пытался совместить свою страсть к путешествиям с какой-то высокой нравственной целью.

«Я уважаю путешественника, который просвещает сердце, — пишет он в одном из своих последующих сочинений, — но презираю того, кто потакает лишь своему воображению. Человек, который покидает родной дом, чтобы помочь себе и другим, — философ; но тот, кто переезжает из страны в страну, ведомый слепым любопытством, — всего лишь бродяга».

Он, конечно, собирался путешествовать как философ, и, по правде говоря, его подготовка к поездке на континент была вполне в его духе.

«Я возьму с собой во Францию всего 33 фунта, — сказал он, — и приличную одежду, рубашки и так далее, и этого, при экономном расходовании средств, будет достаточно». Он забыл упомянуть о своей флейте, которая, как мы увидим, иногда выручала его, когда экономия не могла пополнить его кошелек, а философия — обеспечить ужином. Таким образом, не имея ни денег, ни благоразумия, ни жизненного опыта и будучи почти так же беззащитным перед «суровыми испытаниями», как герой «Дон Кихота», чья голова была наполовину железной, наполовину картонной, он в последний раз вышел в мир, надеясь на лучшее, веря во всё хорошее и даже не подозревая, какие беды его ждут. Когда он писал прощальное письмо своему доброму дяде Контарину, он и подумать не мог, что больше никогда его не увидит, что после всех своих скитаний он никогда не вернётся к другу своего детства, никогда не посетит места, где прошла его юность и которые он так любил, — «милый Лисс» и Баллимахон.

Глава Пятая

ПРИЯТНЫЕ СОПУТСТВУЮЩИЕ — РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С ДРУЗЬЯМИ, С КОТОРЫМИ МОЖНО ПОЗНАКОМИТЬСЯ В ПУТИ, — ЗАРИСОВКИ О ГОЛЛАНДИИ И ГОЛЛАНДЦАХ — ПЕРЕМЕНЫ В ЖИЗНИ БЕДНОГО СТУДЕНТА В ЛЕЙДЕНЕ — СПЕКУЛЯЦИЯ НА ТЮЛЬПАНАХ — БЛАГОДАТНАЯ ФЛЕЙТА — ПРЕБЫВАНИЕ В ПАРИЖЕ — ЗАРИСОВКИ О ВОЛЬТЕРЕ — ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ФИЛОСОФСТВУЮЩЕГО БРОДЯГИ

С самого начала своего заграничного путешествия Голдсмит, как обычно, проявил неосмотрительность. Он собирался сесть на корабль в Лейте, чтобы отправиться в Голландию, но, прибыв в порт, обнаружил, что корабль, на котором он собирался плыть в Бордо, уже готов к отплытию и на борту находятся шесть приятных попутчиков, с которыми он, вероятно, познакомился в гостинице. Он был не из тех, кто противится внезапному порыву, и вместо того, чтобы отправиться в Голландию, пустился в плавание на другой конец континента. Не прошло и двух дней, как из-за непогоды корабль был вынужден зайти в Ньюкасл-Апон-Тайн. Здесь «разумеется» Голдсмит и его любезные попутчики сочли целесообразным сойти на берег и «отдохнуть после утомительного путешествия». «Разумеется», они веселились и пировали до позднего вечера, когда посреди их шумного веселья дверь с грохотом распахнулась и в каюту вошли сержант и двенадцать гренадеров с примкнутыми штыками и взяли всю компанию под стражу. Судя по всему, любезные спутники, с которыми наш неопытный путешественник так внезапно подружился, были шотландцами на французской службе, которые вербовали рекрутов для французской армии в Шотландии. Голдсмит тщетно пытался доказать свою невиновность. Его вместе с собутыльниками отправили в тюрьму, откуда он с трудом вышел через две недели. Однако, как обычно, он нашёл выход из затруднительного положения и решил, что все обернулось к лучшему. Тюремное заключение спасло ему жизнь, потому что, пока он сидел в тюрьме, корабль продолжил путь, но потерпел крушение в устье Гаронны, и все, кто был на борту, погибли. Во второй раз Голдсмит отправился напрямик в Голландию и через девять дней прибыл в Роттердам, откуда без каких-либо отклонений в маршруте направился в Лейден. В одном из своих писем он весьма своеобразно описывает внешний вид голландцев.

«Современный голландец — совсем не тот, что был раньше. Он во всём подражает французу, но при этом выглядит непринуждённо и расслабленно. Он чрезвычайно церемонен и, пожалуй, именно таким мог бы быть француз времён правления Людовика XIV. Таковы те, кто получше. Но настоящий голландец — один из самых странных людей на свете. На его жидких волосах красуется узкая шляпа с загнутыми полями, отделанная чёрной лентой. Он не носит сюртук, зато на нём напялено семь жилетов и девять пар бриджей, так что его бёдра доходят почти до подмышек. Этот разодетый увалень теперь по сигналу трубы готов к светскому обществу и любовным утехам. Но что за прелестное создание — предмет его вожделения! На ней большая меховая шапка с фламандскими кружевами, и на каждые его бриджи она надевает две нижние юбки. Голландская леди не сжигает ничего, кроме табака, для своего флегматичного

поклонника. Вы, должно быть, знаете, сэр, что каждая женщина держит в руке плиту с углями, которую, когда садится, она прячет под юбками, и у этого камина дремлющий Стреффон раскуривает свою трубку».

В том же письме он противопоставляет Шотландию и Голландию.

«Там холмы и скалы перекрывают все виды, а здесь — сплошная равнина. Там вы можете увидеть хорошо одетую герцогиню, выходящую из грязного дома, а здесь — грязного голландца, живущего во дворце. Шотландца можно сравнить с тюльпаном, посаженным в навозе; но я никогда не видел голландца в его собственном доме, но я думаю о великолепном египетском храме, посвященном быку».

Сама страна вызывала у него восхищение.

«Ничто, — сказал он, — не может сравниться с её красотой; куда бы я ни обратил свой взор, повсюду видны прекрасные дома, элегантные сады, статуи, гроты, живописные виды; но когда вы въезжаете в их города, вы оказываетесь очарованы неопишимо. Здесь не видно нищеты, каждый работает с пользой».

И снова в его благородном описании в «Путешественнике»:

«К людям с иным складом ума моё воображение устремляется, погружаясь в глубины, где лежит Голландия. Мне кажется, что передо мной стоят её терпеливые сыновья, Там, где широкий океан граничит с сушей, стремясь остановить надвигающийся прилив, они поднимают искусственную гордыню высоких дамб. Мне кажется, что они медленно, но верно продвигаются вперёд, и кажется, что этот прочный бастион становится всё выше. Он простирает свои длинные руки среди ревущих волн, захватывает империю энтузиазмом и подчиняет себе берег. А бушующий океан, вздымающийся над дамбой, видит перед собой мир, похожий на амфибию, медленно текущий канал, долину с жёлтыми цветами, берег, поросший ивами, скользкий по воде парус, многолюдный рынок, возделанную равнину -Новое творение, спасенное от его власти.

Он пробыл в Лейдене около года, посещая лекции Гаубия по химии и Альбинуса по анатомии, хотя, как говорят, его интересы были разносторонними и он больше увлекался литературой, чем наукой.

Тридцать три фунта, с которыми он отправился в путешествие, быстро закончились, и ему приходилось изворачиваться, чтобы сводить концы с концами, пока до него не доиходили нерегулярные денежные переводы. В таких случаях он обращался за помощью к своему сокурснику и земляку по имени Эллис, который впоследствии стал известным врачом. Он часто одалживал Голдсмиту небольшие суммы, которые тот всегда возвращал в целости и сохранности. Эллис разглядел в бедном неуклюжем студенте незаурядные способности и впоследствии не раз говорил, что «в Лейдене все отмечали возвышенность ума Голдсмита, его философский склад ума и светские манеры, благородство чувств, а также образованность и эрудицию».

Иногда, оказавшись в затруднительном положении, Голдсмит брался преподавать английский язык. Он действительно не знал голландского, но немного владел французским, которому научился у ирландских священников в Баллимагоне. Своё нелепое смущение по этому поводу он описывает в «Векфильдском священнике», рассказывая о философствующем бродяге, который отправился в Голландию учить местных жителей английскому, не зная ни слова на их родном языке. Иногда, когда ему было совсем туго, а иногда, возможно, когда он был при деньгах, он садился за игорный стол, которых в те времена в Голландии было предостаточно. Его добрый друг Эллис неоднократно предостерегал его от этой пагубной склонности, но тщетно. Она сама себя изжила, или, скорее, сама себя наказала, лишив его всех денег — до единого шиллинга. Эллис снова пришёл ему на помощь с истинно ирландским великодушием, но с большей деликатностью, чем обычно свойственно ирландцам, поскольку он согласился оказать финансовую помощь только при условии, что Голдсмит покинет опасную зону. Голдсмит с радостью согласился уехать из Голландии, так как хотел побывать в других странах.

Он собирался отправиться в Париж и продолжить там свои исследования, и друг снабдил его деньгами на дорогу. К несчастью, перед отъездом из Лейдена он забрёл в цветочный сад. В Голландии везде царила тюльпаномания, и некоторые сорта этого великолепного цветка стоили баснословных денег. Прогуливаясь по саду, Голдсмит вспомнил, что его дядя Контарин увлекается тюльпанами. Внезапно ему пришла в голову мысль, что это прекрасная возможность деликатно выразить свою признательность за щедрость, проявленную к нему в прошлом этим великодушным дядей. В мгновение ока он сунул руку в карман, купил несколько отборных и дорогих луковиц тюльпанов и упаковал их для мистера Контарина. И только расплатившись за них, он вспомнил, что потратил все деньги, взятые в долг на дорожные расходы. Однако он был слишком горд, чтобы отказаться от путешествия, и слишком смущен, чтобы снова обратиться к щедрости своего друга, поэтому решил отправиться в путь пешком, полагаясь на случай и удачу. Говорят, что в феврале 1775 года он действительно отправился в путешествие по Европе с одной запасной рубашкой, флейтой и одной гинеей.

«Благословенный, — пишет один из его биографов, — крепким здоровьем, духом авантюриста и тем безрассудным, а может быть, счастливым нравом, который не думает о завтрашнем дне, он долгое время продолжал свои странствия, несмотря на бесчисленные лишения».

В его забавном рассказе о приключениях «философствующего бродяги» в «Уэйкфилдском викарии» мы находим скрытые уловки, к которым он прибегал.

«У меня были кое-какие познания в музыке и сносный голос; теперь я превратил то, что когда-то было моим развлечением, в настоящее средство к существованию. Я бывал среди безобидных крестьян Фландрии и среди тех французов, которые были достаточно бедны, чтобы быть очень весёлыми, ибо я всегда находил их весёлыми пропорционально своим нуждам. Когда бы я ни подходил к крестьянскому дому ближе к вечеру, я играл одну из своих самых весёлых мелодий, и это обеспечивало мне не только ночлег, но и пропитание на следующий день; но, по правде говоря, должен признаться, что когда бы я ни пытался развлечь людей более высокого ранга, они всегда находили мое исполнение отвратительным, и они никогда не отвечали мне взаимностью за мои старания угодить им».

В Париже он посещал химические лекции Руэля, которые тогда были в большой моде, и, по его словам, стал свидетелем такого же яркого круга красоты, какой украшал Версальский Двор. Его любовь к театру также привела его к посещению спектаклей знаменитой актрисы мадемуазель Клерон, от которых он был в большом восторге. Он, по-видимому, смотрел на состояние общества взглядом философа, но знаки времени считывал пророческим взором поэта. Во время своих прогулок по окрестностям Парижа он был поражён тем, что там в изобилии водится дичь, почти прирученная человеком, и увидел в этих дорогостоящих и строго охраняемых угодьях, предназначенных для развлечения и увеселения привилегированного меньшинства, верный «символ рабства народа». Он предсказывал, что это рабство близится к концу.

«Когда я думаю о том, что эти парламенты, члены которых назначаются двором, а председатели могут действовать только по прямому указанию, осмеливаются даже упоминать о привилегиях и свободе, хотя до недавнего времени с беспрекословным смирением подчинялись приказам трона, — когда я думаю об этом, то не могу отделаться от мысли, что в это королевство тайно проник дух свободы. Если на троне сменятся ещё три слабых монарха, маска будет сброшена вместе с прогнившим тронном и страна снова станет свободной».

События подтвердили мудрый прогноз поэта.

Во время недолгого пребывания в Париже он, по-видимому, влился в высшее общество и имел честь и удовольствие познакомиться с Вольтером, о котором впоследствии написал мемуары.

«Как собеседник, — пишет он, — он не знал себе равных, когда ему хотелось вести беседу, что, впрочем, случалось не часто. В компании, которую он недолюбливал или прези-

рал, он был сдержан, как никто другой, но когда он воодушевлялся и преодолевал свою нерешительность, которая иногда была ему свойственна, слушать его было одно наслаждение. Его худое лицо, казалось, неуловимо преображалось, в каждом его черточке читался смысл, а глаза сияли необыкновенным блеском. Автор этих мемуаров, — продолжает он, — помнит, как видел его в Париже в избранном обществе остроумцев обоего пола, когда разговор зашёл об английском вкусе и образованности. Фонтенель (которому тогда было почти сто лет), присутствовавший при этом и не знакомый ни с языком, ни с авторами этой страны, принялся с поистине вульгарным рвением осуждать и то, и другое».

Дидро, который всегда симпатизировал англичанам и был наслышан об их литературных претензиях, попытался защитить их поэзию и образованность, но не слишком преуспел в этом. Собравшиеся быстро поняли, что Фонтенель одерживает верх в споре, и были удивлены молчанием, которое Вольтер хранил на протяжении большей части вечера, особенно когда разговор зашёл об одной из его излюбленных тем. Фонтенель торжествовал до двенадцати часов ночи, когда Вольтер наконец очнулся от задумчивости. Все его тело было напряжено. Он начал защищаться с величайшим вызовом и пылом, время от времени отпуская остроумные колкости в адрес своего оппонента. Его речь продолжалась до трех часов утра. Должен признаться, что то ли из-за национальной предвзятости, то ли из-за изящества его манеры я никогда не был так очарован и не припомню, чтобы кто-то одерживал столь безоговорочную победу, как он в этом споре».

Во время своих странствий Голдсмит побывал в Германии и Швейцарии, откуда отправил своему брату в Ирландию первый краткий набросок, впоследствии превратившийся в поэму «Путешественник». В Женеве он стал гувернёром молодого джентльмена-полукровки, сына лондонского ростовщика, который внезапно разбогател и впал в немилость из-за смерти своего дяди. Юноша, прежде чем стать джентльменом, был учеником адвоката и в денежных вопросах проявлял себя как отъявленный прощелыга и крючкотвор. Трудно было найти двух более неподходящих друг другу людей, чем он и Голдсмит. Представление о гувернёре и воспитанике можно составить по следующему отрывку из «Философствующего бродяги».

«Я должен был присматривать за молодым джентльменом, но с условием, что он всегда будет волен поступать по своему усмотрению. На самом деле мой воспитанник разбирался в денежных вопросах гораздо лучше меня. Он был наследником состояния в двести тысяч фунтов, оставленного ему дядей из Вест-Индии, и опекуны, чтобы подготовить его к управлению этими средствами, отдали его в ученики к адвокату. Таким образом, его главной страстью была алчность. Все его вопросы в дороге сводились к тому, как сэкономить деньги, как добраться до места с наименьшими затратами и можно ли купить что-нибудь такое, что можно будет выгодно продать в Лондоне».

Он был не прочь поглазеть на диковинки, встречавшиеся на пути, но если за их осмотр нужно было платить, он обычно заявлял, что ему сказали, будто они того не стоят. Он никогда не оплачивал счета, если не мог загодя убедиться, насколько дорого обходится путешествие, и все это в возрасте до двадцати одного года.

В этом наброске Голдсмит, несомненно, высмеивает свои тяготы в роли странствующего наставника этого удивительного молодого джентльмена, в котором сочетались черты ростовщика, крючкотвора и наследного принца из Вест-Индии, с примесью старого городского скряги. Они постоянно испытывали трудности с расходами, пока не добрались до Марселя, где оба были рады расстаться. Снова отправившись в путь пешком, но избавившись от обременительных обязанностей «поводыря» и имея в кармане часть своего жалованья, Голдсмит продолжил свои полубродячие странствия по Франции, Пьемонту и некоторым итальянским государствам. Как уже было сказано, он привык приспособливаться и жить налегке, и в Италии ему представился новый случай для бродяжничества.

«Мои познания в музыке, — пишет он в „Философском Бродяге“, — не принесли бы мне никакой пользы в стране, где каждый крестьянин был лучшим музыкантом, чем я. Но к тому времени я приобрёл другой талант, который был мне не менее полезен, — умение вести диспуты. Во всех зарубежных университетах и монастырях в определенные дни проводятся философские диспуты, в которых может принять участие любой желающий. Если оратор проявляет ловкость и находчивость, он может рассчитывать на денежное вознаграждение, обед и ночлег». Несмотря на то, что он был бедным странствующим учёным, в этих цитаделях науки его принимали так же радушно, как и в крестьянских хижинах.

«С членами этих сообществ, — писал он, — я мог беседовать на литературные темы и при этом всегда забывал о своём бедственном положении».

Говорят, что в Падуе, где он пробыл несколько месяцев, он получил степень доктора медицины. Вероятно, в этом городе он задержался из-за смерти своего дяди Контарина, который до этого помогал ему в скитаниях, время от времени отправляя ему небольшие, но регулярные денежные переводы. Лишившись этого источника средств к существованию, он написал своим друзьям в Ирландию, и особенно своему шурину Ходсону, о своем бедственном положении.

Его письма не принесли ему ни денег, ни ответа. Из последующей переписки следует, что шурин действительно пытался собрать деньги на помощь для него среди родственников, друзей и знакомых, но безуспешно. Их вера и надежда на него, скорее всего, угасли окончательно. Он разочаровывал их во всём, не проявлял ожидаемых талантов, и они были слишком бедны, чтобы поддерживать того, кого считали беспечным транжирой и бродягой.

Положившись на произвол судьбы, Голдсмит отказался от дальнейших скитаний по Италии и не поехал на юг, хотя Рим и Неаполь, должно быть, манили его, человека с таким поэтическим складом ума. Снова взяв в руки посох паломника, он повернул в сторону Англии, «переходя из города в город, всё пристальнее вглядываясь в людей и видя картину во всей полноте».

Во время путешествия по Франции он снова взял с собой флейту — свою волшебную флейту, которой он не вдохновлял по пути только крыс, о чем можно судить по следующему отрывку из его «Путешественника»:

«Веселая, жизнерадостная страна веселья и непринужденного общения, страной, довольной собой, не может чураться этот Мир., Как часто я затевал здесь свой игривый хор, устремляя нестройный голос флейты вдоль журчащей Луары! Там, где вдоль берега росли тенистые вязы, и свежий зефир летел от волн, и пусть моя резкая нота порой фальшивила, и пусть она насмеялась над всеми мелодиями и мешала движениям танцоров, всё равно деревня восхваляла мою удивительную силу, И люди танцевали, забыв о полуденном часе. Всем возрастам под стать! Дамы былых времен вели своих детей по весёлому лабиринту, а весёлый дед, сведущий в клоунаде, резвился под бременем шестидесяти лет!

Глава Шестая

ВЫСАДКА В АНГЛИИ — ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА БЕЗ ДЕНЕГ — ПЕСТИК И СТУПА — ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОСТАНОВКИ В САРАЕ — ОТЪЕЗД В ЛОНДОН — НОЧНАЯ СЦЕНА В ГОРОДЕ — БОРЬБА С БЕДНОСТЬЮ — ЖЕСТОКОСТИ НАСТАВНИКА — ВРАЧ В ПРИГОРОДЕ — ПЛОХАЯ ПРАКТИКА И ВТОРОСОРТНЫЕ ВЕЩИ — ЗАРОЖДЕНИЕ ТРАГЕДИИ — ПРОЕКТ «ПИСЬМЕННЫЕ ГОРЫ»

После двух лет скитаний по континенту в поисках, как он сам говорил, «новизны и в то же время скуки», Голдсмит в начале 1756 года высадился в Дувре. Судя по всему, у него не было чёткого плана действий. Смерть дяди Контарина и то, что родственники и друзья не отвечали на его письма, похоже, на какое-то время повергли его в чувство полного одиночества и безысходности, и он думал только о том, как бы добраться до Лондона и начать самостоятельную жизнь.

Но как ему туда добраться? В кошельке у него было пусто. Англия была для него такой же чужой страной, как любая часть континента, а где ещё нищий чужестранец может оказаться в столь бедственном положении, как не здесь? Его флейта и философские трактаты больше не имели никакого значения: английским мужланам не было дела до музыки, похоже, большинство из них в ходе эволюции лишилось ушей и души, монастырей там не было вообще, а что касается ученых и духовенства, то ни один из них не накормил бы бродячего школяра ужином и не предоставил бы ему ночлег даже за самый блестящий из когда-либо написанных тезисов или отчаянную трель.

«Вы легко можете себе представить, — пишет он в одном из последующих писем своему шурину, — с какими трудностями мне пришлось столкнуться, оставшись без друзей, рекомендаций, денег и наглости, да ещё и в стране, где достаточно было родиться ирландцем, чтобы остаться без работы. Многие в подобных обстоятельствах прибегли бы к монашеской веревке или удавке самоубийцы. Но при всех моих глупостях у меня были принципы, чтобы противостоять первому, и решимость, чтобы бороться со вторым». Говорят, он пытался устроиться в лавку деревенского аптекаря, но все его познания в медицине, полученные в зарубежных университетах, не помогли ему получить в своё распоряжение ступку и пестик, таких сокровищ ему бы никто там не доверил. Говорят, он даже обратился к актерскому ремеслу в качестве временной меры и играл в низкопробной комедии в одном из провинциальных городков в Кенте. Это согласуется с его последней ролью «Философствующего Бродяги» и с его познаниями в области деревенских театральных постановок, которые он продемонстрировал в «Приключениях бродячего актера», или, возможно, является историей, навеянной этими постановками. Однако обо всех этих этапах его жизни, когда ему приходилось влачить самое жалкое существование, мы можем судить лишь по смутным, анекдотическим преданиям или отрывкам из автобиографии, почерпнутым из его разноплановых произведений. В общем, Судьба со всей силой разворачивалась в это время к нему отнюдь не своей лучшей стороной.

Наконец мы видим, как он пускается в путь по великой метрополии или, скорее, бродит по её ночным улицам в мрачный февральский вечер с несколькими полупенсовиками в кармане. Аравийские пустыни не более унылы и негостеприимны так, как лондонские улицы и переулки в такое время и для чужестранца в таком положении.

Нужна ли нам иллюстрация в виде картины? У нас есть его собственные слова, основанные, несомненно, на его личном опыте.

«Часы только что пробили два; какая мрачная атмосфера царит вокруг! Не слышно ни звука, кроме боя часов и далекого лая сторожевых псов. Как малолюдно на этих улицах, которые всего несколько часов назад были полны народу! Но кто же эти люди, которые спят прямо на улице и находят краткий отдых от невзгод у дверей богатых домов? Это чужестранцы, скитальцы и сироты, чьё положение слишком плачевно, чтобы рассчитывать на помощь, а страдания слишком велики, чтобы вызвать жалость. На одних нет даже лохмотьев, другие истощены болезнью; мир отвернулся от них, общество отворачивается от их бедственного положения и оставляет их нагими и голодными».

«Эти бедные дрожащие женщины когда-то жили в более счастливые времена, и им льстили, называя красавицами. Теперь им приходится противостоять суровой зиме. Возможно, сейчас, лежа у дверей своих предателей, они взывают к негодьям, чьи сердца бесчувственны, или к развратникам, которые могут их проклинать, но не станут помогать».

«Зачем, зачем я родился человеком, если вижу страдания несчастных, которым не могу помочь! Бедные бездомные создания! Мир будет упрекать вас, гнать вас, но не придёт на помощь».

Бедный бездомный Голдсмит! — воскликнем мы, — на какие только ухищрения ему пришлось пойти, чтобы найти кров и пропитание во время своего первого приезда в Лондон! Много лет спустя, когда он уже занял высокое положение в обществе, он поразил светское общество в доме сэра Джошуа Рейнольдса, с юмором рассказав анекдот о том, как он «жил среди нищих на Экс-Лейн». Возможно, именно в таких убогих условиях ему приходилось ютиться, когда он, без гроша в кармане, скитался по городу. Первое достоверное упоминание о нём в этот период его жизни — о том, что он устроился помощником учителя в школу, и даже эту работу он получил с трудом, после того как его друзья из Дублинского университета дали ему рекомендацию.

В романе «Векфильдский священник» он подвергает Джорджа Примроуза причудливому допросу с пристрастием, выясняя, подходит ли тот на роль школьного учителя.

«Вы обучались этому ремеслу?»

«Нет».

«Тогда вы не подойдёте для работы в школе. Вы умеете причёсывать мальчиков?»

«Нет».

«Тогда вы не подойдёте для работы в школе. Вы можете укладывать троих в одну кровать?»

«Нет».

«Тогда вы никогда не подойдёте для работы в школе. У вас хороший желудок?»

«Да.»

«Тогда вам ни в коем случае не место в школе. Я сам был помощником учителя в школе-пансионе, и пусть я умру от передозировки успокоительного, но я бы предпочёл быть младшим надзирателем в Ньюгейтской тюрьме. Я вставал ни свет ни заря и ложился за полночь, меня третировал директор, директриса ненавидела меня за мое уродливое лицо, а мальчишки изводили своими шутками». Голдсмит недолго продержался на этой должности, и, несомненно, именно пережитым там унижениям мы обязаны описаниями тягот жизни помощника учителя в его произведениях. «Как правило, — пишет он, — он становится посмешищем всей школы. Над ним подшучивают по любому поводу; его манеры, одежда или речь вызывают веч-

ные насмешки; сам директор время от времени не может удержаться от того, чтобы не посмеяться вместе со всеми, и бедняга, вечно возмущённый таким обращением, живёт в состоянии постоянной войны со всей школой».

«Возможно, ему приходится спать в одной постели с учителем французского, который каждую ночь на целый час отвлекает его, начесывая и укладывая ему волосы, и воняет прогорклыми помадами хуже падали, когда кладет голову на подушку рядом с ним». Следующей его работой стала должность ассистента в лаборатории химика недалеко от Фиш-Стрит-Хилл. Проработав там несколько месяцев, он узнал, что доктор Слей, его друг и однокурсник по Эдинбургскому университету, находится в Лондоне. Желая увидеть знакомое лицо в этой стране чужаков, он сразу же отправился к нему.

«Хотя было воскресенье и я, надо полагать, был одет в свой лучший костюм, Слей едва узнал меня — такова цена, которую бедняки платят за свою нищету. Однако, когда он меня вспомнил, я увидел, что его сердце по-прежнему полно тепла, и он делился со мной деньгами и дружеской поддержкой, пока был в Лондоне». Благодаря советам и помощи доктора Слея он начал заниматься медицинской практикой, но поначалу вёл скромную деятельность в Бэнксайде и Саутварке, в основном среди бедняков, поскольку ему не хватало манер, лоска и деловой хватки, чтобы преуспеть среди местных богачей. Примерно в то же время он встретил своего старого школьного товарища и однокурсника Битти, который в университете помогал ему деньгами. Битти был одет в потрёпанный зелёный с золотом костюм с чужого плеча, а его рубашка и шейный платок были поношены недели на две.

Бедняга Голдсмит изо всех сил старался выглядеть преуспевающим в глазах своего бывшего однокурсника.

«Он занимался медициной, — сказал он, — и дела у него шли очень хорошо!»

В тот момент, несмотря на свою практику и пышные наряды, он был по горло в долгах. Гонорары у него были мизерные и выплачивались нерегулярно, и он вынужден был искать хоть какой-то ненадёжный источник дохода с помощью своего пера. И снова на помощь ему пришёл его бывший однокурсник доктор Слей, который познакомил его с книготорговцами, которые время от времени давали ему работу, хоть и за гроши. Однако, согласно преданиям, самым щедрым его покровителем в то время был подмастерье печатника, один из его бедных пациентов с Бэнксайда, который был высокого мнения о его талантах и видел, в каком бедственном положении он оказался из-за своих литературных потуг. Этот печатник работал на мистера Сэмюэла Ричардсона, автора «Памелы», «Клариссы» и «Сэра Чарльза Грандисона», который совмещал в себе писателя и издателя и был весьма состоятельным человеком.

Говорят, что благодаря этому подмастерью Голдсмит познакомился с Ричардсоном, который нанял его в качестве корректора в свою типографию в Солсбери-Корт. Эту работу он чередовал с врачебной практикой. Время от времени его приглашали в гости к Ричардсону, и он начал заводить литературные знакомства, самым важным из которых было знакомство с доктором Янгом, автором «Ночных дум» — поэмы, которая была на пике популярности. Однако маловероятно, что в то время между литературным львом и бедным Эскулапом из Бэнксайда, скромным корректором печатных изданий, было много общего. Тем не менее общение с литераторами пробудило его воображение. Доктор Фарр, один из его сокурсников по Эдинбургскому университету, который примерно в то же время находился в Лондоне, посещая больницы и лекции, оставил забавный рассказ о Голдсмите как о литераторе. «В начале января он зашёл ко мне как-то утром, когда я еще не встал, и, войдя в комнату, я увидел своего старого знакомого в поношенном чёрном сюртуке с фалдами и с карманами, полными бумаг, что сразу напомнило мне о поэте из фарса Гаррика «Лета». После завтрака он достал из кармана отрывок из трагедии, который, по его словам, принёс мне на вычитку. Я тщетно пытался сослаться на занятость, когда он начал читать, и все места, в уместности которых я сомневался, он тут же вычеркивал». Тогда я самым настойчивым образом убеждал его не полагаться на моё мнение,

а прислушаться к мнению людей, более компетентных в оценке драматических произведений. Он рассказал мне, что показывал свои произведения, по крайней мере те, что уже написал, мистеру Ричардсону, автору «Клариссы», на что я безапелляционно заявил, что тогда не стану ещё раз высказывать свое мнение об их исполнении».

Из подробного описания, данного доктором Фарром, становится ясно, что на смену потускневшему зелёно-золотому наряду пришёл строгий черный костюм, к которому, как нам сообщают, добавились парик и трость, без которых в те времена не обходился ни один врач. На нём был поношенный сюртук из рыжего бархата с заплатой на левой стороне груди, которую он ловко прикрывал треуголкой во время визитов к пациентам.

До нас дошёл забавный анекдот о том, как он любезно спорил с пациентом, который настойчиво пытался снять с него шляпу, но это лишь заставило его еще крепче прижать её к груди. О трагедии, упомянутой доктором Фарром, больше ничего не известно; вероятно, она так и не была завершена. Тот же джентльмен рассказывает о странном донкихотском замысле, который в то время вынашивал Голдсмит, — «расшифровать надписи на Исписанных горах», хотя он совершенно не знал ни арабского, ни языка, на котором, как предполагалось, они были написаны.

«Триста фунтов жалованья, — добавляет доктор Фарр, — которые были оставлены на эти цели, стали для него искушением».

«Вероятно, это был один из многих фантастических проектов, которыми изобилует его пылкий ум. На подобные темы он был склонен рассуждать туманно и высокопарно, но необдуманно, скорее полагаясь на своё воображение, чем на здравый смысл. Он всегда мечтал о путешествиях на Восток и о чудесах, которые можно увидеть и совершить в восточных странах.

Глава Седьмая

ЖИЗНЬ ПЕДАГОГА — ДОБРОТА К ШКОЛЬНИКАМ — ОТБИТЫЙ ВРАГ — ДОРОГОСТОЯЩИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ АКЦИИ — ГРИФФИТЫ И «ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЗОР» — ТРУДЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОНЫРЫ — РАЗРЫВ С ГРИФФИТАМИ

Среди самых близких друзей Голдсмита в Лондоне в этот непростой период были некоторые из его бывших однокурсников по Эдинбургскому университету. Одним из них был сын доктора Милнера, священника-диссентера, который содержал известную классическую школу в Пекхэме, графство Суррей. Молодой Милнер был высокого мнения о способностях и достижениях Голдсмита и питал к нему ту же симпатию, которую его добродушный нрав всегда вызывал у его соучеников в школе и колледже. Когда его отец заболел, молодой человек договорился с Голдсмитом о том, что тот временно возглавит школу. Голдсмит с готовностью согласился, поскольку его обескураживал медленный рост его медицинской репутации и практики, а робкие улыбки музы пока не внушали ему доверия. Поэтому он отложил в сторону парик и трость и, снова взяв в руки указку, вернулся к роли педагога и некоторое время был ректором академии в Пекхэме. Судя по всему, доктор Милнер и его жена хорошо к нему относились, и он стал любимцем учеников благодаря своему доброму и снисходительному нраву. Он участвовал в их спортивных играх, рассказывал забавные истории, играл на флейте, чтобы их развеселить, и тратил деньги на сладости и другие мальчишеские лакомства. Иногда его фамильярность заходила слишком далеко: он позволял себе мальчишеские выходки и розыгрыши, на что получал ответные шутки, которые, впрочем, воспринимал с юмором. Однажды его задела за живое мальчишеская дерзость. После игры на флейте он с воодушевлением заговорил о музыке, которая прекрасна сама по себе и является ценным навыком для джентльмена, на что один из мальчишек, бросив взгляд на его неказистую фигуру, спросил, считает ли он себя джентльменом.

Бедняга Голдсмит, остро ощущавший свою неуклюжесть и унижительность своего положения, поморщился от этой необдуманной насмешки, которая надолго засела у него в голове. Как и прежде, пока он работал у доктора Милнера, его филантропические порывы дорого обходились его кошельку, потому что он не мог пройти мимо чужой беды и был готов отдать последнее любому нищему, так что из-за своей благотворительности и щедрости он обычно тратил больше, чем получал.

«Лучше позвольте мне, мистер Голдсмит, позаботиться о ваших деньгах, — сказала однажды миссис Милнер, — как я делаю это для некоторых молодых джентльменов».

«По правде говоря, мадам, в этом есть не меньшая необходимость!» — последовал добродушный ответ. Доктор Милнер был человеком с литературными амбициями и время от времени писал для «Monthly Review» — журнала, владельцем которого был книготорговец по фамилии Гриффитс. Это издание отстаивало принципы вигов и успешно существовало уже почти восемь лет. Однако в последнее время количество периодических изданий резко возросло, и у «Monthly Review» появился грозный конкурент — «Critical Review», издаваемый книготорговцем Арчибальдом Гамильтоном при поддержке влиятельного и популярного доктора Смоллетта. Гриффитсу пришлось искать новых авторов. Во время одной из встреч он познакомился с Голдсмитом, скромно сидевшим за столом доктора Милнера, и был поражён

его суждениями о людях и книгах, которые тот высказывал в ходе беседы. Гриффитс воспользовался случаем, чтобы расспросить Голдсмита о его склонностях и способностях как рецензента, и тот поделился с ним образцами своих литературных и критических работ. Они оказались весьма неплохими. В результате Голдсмит снова изменил свой образ жизни и в апреле 1757 года стал сотрудничать с «Monthly Review» за небольшое фиксированное жалованье, с питанием и проживанием, и поселился у мистера Гриффитса в доме под вывеской «Дунсиада» на Патерностер-Роу. Как обычно, мы можем проследить этот этап его жизни по его полувывмышленным произведениям. Внезапное превращение из педагога в писателя с юмором описано в случае с «Джорджем Примроузом» в романе «Векфильдский священник».

«Послушай, — говорит наставник Джорджа, — я вижу, что ты парень не робкий и неглупый. Что скажешь, если я предложу тебе стать писателем, как я? Ты, конечно, читал в книгах о гениальных людях, которые умирали с голоду, занимаясь своим ремеслом. А сейчас я покажу тебе сорок скучных парней из высшего общества, которые живут припеваючи».

Все честные, идущие трусцой люди, которые живут размеренно и скучно, пишут историю и политику, и их хвалят: люди, сэр, которые, если бы родились сапожниками, всю свою жизнь занимались бы только починкой обуви, но никогда бы её не шили».

«Находка!» — говорит Джордж.

Поскольку в характере билетера не было особой аристократичности, я решил принять его предложение и, питая глубочайшее уважение к литературе, с почтением приветствовал антикварную лавку на Граб-Стрит. Я считал своей честью идти по пути, который Драйден и Отуэй протоптали до меня. Увы, Драйден всю свою жизнь боролся с нуждой, а Отуэй, как говорят, пал жертвой голода на тридцать пятом году жизни: его задушила булка хлеба, которую он проглотил с жадностью умирающего от голода человека.»

По опыту Голдсмита, этот путь вскоре оказался тернистым. Гриффитс был жёстким деловым человеком, обладавшим проницательным житейским чутьем, но не отличавшимся особой утончённостью или воспитанностью. Он вмешивался, или, скорее, путался, в литературу, тоже по-деловому, время от времени подменяя и модифицируя работы своих авторов, и в этом ему помогала его жена, которая, по словам Смоллетта, была «старомодной женщиной-критиком и дилетанткой в «Ревью»». Такова была литературная зависимость, которой Голдсмит неосмотрительно обзавёлся. На него была возложена ежедневная тяжёлая работа, раздражавшая его ленивые привычки и сопровождавшаяся обстоятельствами, унижительными для его гордости. Ему приходилось писать ежедневно с девяти часов до двух, а часто и в течение всего дня, независимо от того, в духе или нет, и на темы, продиктованные его учителем, как бы чужды они ни были его вкусу; одним словом, к нему относились как к простому литературному халтурщику. Но быть литературным рабом было не самое худшее; его огорчало критическое наблюдение Гриффитса и его жены: «неграмотные Гриффитсы-книготорговцы», как называл их Смоллетт, «которые позволяли себе пересматривать, переделывать и дополнять статьи, внесли свой вклад в их «Рецензию».

«Хвала небесам, — ликовал Смоллетт, — „Критический обзор“ не подчиняется диктату книготорговца и его жены. Его главные авторы независимы друг от друга, не связаны с книготорговцами и не боятся старух!»

Однако этот литературный вассалитет продлился недолго. Книготорговец становился все более требовательным. Он обвинял своего писаку в лени, в том, что тот рано уходит из-за письменного стола и литературной мастерской, а также в том, что он ведёт себя не по чину. Голдсмит, в свою очередь, упрекал его в бесцеремонности, а его жену — в скупости и прижимистости в ведении домашнего хозяйства, а также в том, что они оба вмешиваются в его литературную деятельность и портят её. По взаимному согласию договор был расторгнут через пять месяцев без каких-либо скандалов, хотя впоследствии они время от времени общались. Хотя Голдсмиту было уже почти тридцать, он не создал ничего, что могло бы принести ему

известность. Он по-прежнему писал только ради заработка. Статьи, которые он публиковал в «Критическом обзоре», были анонимными и никогда не подписывались его именем. С тех пор они по большей части были восстановлены. Несмотря на то, что они были написаны в спешке, часто затрагивали темы, представлявшие временный интерес, и были испорчены вставками Гриффита, они по-прежнему отличались здравым смыслом, непринуждённостью и изяществом стиля. Джонсон заметил, что гений Голдсмита расцвёл поздно; правильнее было бы сказать, что он расцвел рано, но не сразу принёс плоды.

Глава Восьмая

НЬЮБЕРИ, ВОСПОМИНАНИЕ О КНИГЕ С КАРТИНКАМИ — КАК СОХРАНИТЬ ВНЕШНИЙ ВИД — НЕПРИЯТНОСТИ АВТОРСТВА — БЕДНАЯ РОДСТВЕННИЦА — ПИСЬМО ХОДСОНУ

Зарекомендовав себя в издательском мире, Голдсмит начал время от времени подрабатывать в разных местах. В частности, он писал для «Литературного журнала» — издания, основанного мистером Джоном Ньюбери, книготорговцем с Сент-Полс-Черч-Ярд, который во второй половине XIX века прославился своими книжками с картинками для детей. Ньюбери был достойным, умным и добросердечным человеком, а также своевременным, хоть и осторожным другом для авторов. Он помогал им небольшими займами, когда они испытывали финансовые трудности, но всегда требовал, чтобы они отплатили ему своим трудом. Голдсмит с юмором, но в то же время дружелюбно описывает его в романе «Векфильдский священник».

«Это был не кто иной, как книготорговец с Сент-Полс-Черч-Ярд, филантроп, написавший множество детских книжек. Он называл себя их другом, но на самом деле был другом всего человечества. Едва сойдя с экипажа, он поспешил уйти, потому что у него всегда были важные дела, и в тот раз он как раз собирал материалы для истории некоего мистера Томаса Трипа. Я сразу же вспомнил это добродушное лицо в красных пятнах».

Помимо литературной деятельности, Голдсмит возобновил врачебную практику, но без особого успеха. Из-за нехватки средств он по-прежнему был вынужден ютиться в убогой квартире где-то в окрестностях Солсбери-Сквер на Флит-Стрит, но благодаря обширным знакомствам и растущему авторитету он старался следить за тем, как выглядит со стороны. Он прибег к уловке, которая была очень распространена в то время и до сих пор практикуется в Лондоне среди тех, кому приходится идти по тонкой грани между гордостью и бедностью: снимая жильё по средствам, он «заглядывал», как тогда говорили, в кофейню «Темпл-Эксчендж» неподалёку от Темпл-Бар. Там он принимал пациентов, оттуда отправлял письма и там проводил большую часть свободного времени, общаясь с завсегдатаями заведения.

«Тридцати фунтов в год, — говорил бедный ирландский художник, который знал толк в искусстве маскировки, — достаточно, чтобы жить в Лондоне и не вызывать презрения». Десять фунтов он потратит на одежду и белье; на восемнадцать пенсов в неделю он может жить в мансарде; в кофейне, где он время от времени спускает три пенса, он может проводить по несколько часов в хорошей компании; он может позавтракать хлебом с молоком за пенни, пообедать за шесть пенсов, обойтись без ужина, а в день, когда ему выдают чистую рубашку, он может выйти из дома и нанести визит». Судя по всему, Голдсмит почерпнул кое-что из руководства этого бедолаги по части кофейных заведений. Действительно, в те времена кофейни были излюбленными местами остроумцев и литераторов, где обсуждались злободневные темы, а также литературные и театральные дела. Таким образом, он расширил круг своего общения, в который теперь входили несколько известных людей. Хотите узнать о том, что пережил Голдсмит на этом этапе своей карьеры? Об этом он рассказывает в своих наблюдениях о жизни писателя в «Исследовании о состоянии изящной словесности», опубликованном несколько лет спустя.

«Автор, не пользующийся покровительством сильных мира сего, естественно, обращается к книготорговцу. Трудно представить себе что-то более пагубное для вкуса, чем это».

В интересах одного — тратить как можно меньше времени на писательство, а другого — писать как можно больше; соответственно, результатом их совместных усилий становятся

утомительные компиляции и периодические издания. В таких условиях автор прощается со славой, пишет ради хлеба насущного, и лишь изредка в дело вступает его воображение. Он садится за стол, чтобы обратиться к продажной музе, с флегматичной апатией, и, как говорят о русских, добивается расположения своей любовницы тем, что засыпает у неё на коленях. А вот ещё!

«Те, кто не знаком с миром, склонны воображать, что остроумный человек ведет весьма приятную жизнь. Они, возможно, полагают, что его окружают молчаливым восхищением и что он диктует остальным людям со всем красноречием, проистекающим из осознания своего превосходства. На самом деле его положение совсем иное. Его называют писателем, а все знают, что над писателями можно только смеяться. Его личность, а не его шутки, становится предметом веселья в компании. При его появлении на самом толстом и недалеком лице появляется злорадная ухмылка. Даже олдермены смеются и мстят ему за насмешки, которыми осыпали их предков... Бедность поэта — постоянный повод для презрения. То, что он пишет ради куска хлеба, — непростительный грех. Пожалуй, в наше время с писателями обращаются хуже, чем с кем бы то ни было. Мы держим их в нищете и при этом осуждаем их за бедность. Мы упрекаем их в том, что они живут за счёт своего остроумия, и при этом не даем им других средств к существованию. В последнее время их жалобы на то, что они вынуждены ютиться на чердаках и в подвалах, вызывают бурное негодование, и это делают люди, которые, я надеюсь, скорее пожалеют их, чем станут оскорблять. Разве бедность — это недостаток, на который можно закрыть глаза? Несомненно, он знает, что предпочесть: бутылку шампанского нектару из соседней пивной или пирог с олениной вместо тарелки картошки. Недосток утончённости присущ не ему, а тем, кто отказывает ему в возможности сделать изысканный выбор. Остроумие, безусловно, является достоянием тех, кто им обладает, и мы не должны огорчаться, если это единственное достояние, которое есть у человека. Не стоит недооценивать того, кто использует свой ум, чтобы выжить, и бежит в поисках утешения от неблагодарности века даже к книготорговцу»...

«Если автор необходим нам, давайте отнесёмся к нему с должным уважением, как к дитяти общества, а не как к обузе для общины. И в самом деле, он во всех отношениях дитя общества, ибо, будучи столь способным направлять других, он зачастую оказывается совершенно неспособен управлять собой. Его простодушие делает его уязвимым для всех коварных уловок, а чувствительность — для малейших проявлений презрения. Он обладает достаточной силой духа, чтобы невозмутимо переносить ожидаемые потрясения, но при этом его чувства столь обострены, что он мучается от малейшего разочарования. Прерывистый сон, безвкусная пища и беспричинные тревоги укорачивают жизнь и делают её непригодной для активной деятельности; долгие бдения и напряжённая работа ещё больше сокращают её и заставляют время пролетать незаметно».

Пока бедный Голдсмит боролся с трудностями и разочарованиями, которые в те дни подстерегали на пути писателя на каждом шагу, его друзья в Ирландии получали известия о его литературных успехах и знакомствах с выдающимися людьми. Этого было достаточно, чтобы заставить мудрых людей из Лиссоа и Баллимахона строить догадки. Преувеличенные представления провинциальных родственников о том, каким великим человеком является их дальний родственник в столице, привели к тому, что некоторые из бедных родственников Голдсмита воображали его восседающим на высоком троне, облачённым в пурпур и виссон, в тесной компании тех, кто раздавал подарки и покровительство. Поэтому однажды он был немало удивлён, когда в его убогой квартирке неожиданно появился его младший брат Чарльз, неоперившийся юнец двадцати одного года от роду, наделенный удвоенной долей семейной беспечности и ожидавший, что кто-нибудь из влиятельных друзей Оливера поможет ему найти какой-нибудь верный путь к богатству. Чарльз был крайне разочарован, узнав, что его брат не только не в состоянии обеспечить других, но и сам едва сводит концы с концами. Он с грустью оглядел

жилище поэта и не смог сдержать удивления и разочарования от того, что его дела обстоят не лучше.

«Всё идёт как по маслу, мой дорогой мальчик! — ответил бедняга Голдсмит с присущим ему добродушием, — Со временем я разбогатею. Аддисон, скажу я тебе, написал свою поэму о военной кампании в мансарде на Хеймаркете, в трех шагах от меня, а я, как видишь, ещё не дошёл до этого уровня, я пока только на втором этаже».

Чарльз Голдсмит недолго пробыл в Лондоне, смущая тем самым своего брата. Обладая таким же непостоянным нравом и взбалмошностью, как у Оливера, он внезапно уехал в Вест-Индию в поисках лучшей доли, и о нём ничего не было слышно более тридцати лет, пока он не объявился в Англии после того, как друзья уже считали его умершим. Вскоре после отъезда Голдсмит написал письмо своему шурину Дэниэлу Ходсону, эсквайру, из которого мы приводим отрывок. Несомненно, оно было отчасти направлено на то, чтобы развеять иллюзии относительно его судьбы, которые могли возникнуть в воображении его друзей из Баллимахона.

«Полагаю, ты хочешь знать, как я сейчас живу. Поскольку в этом нет ничего такого, за что мне было бы стыдно или что могло бы вызвать осуждение общества, я не вижу причин держать это в секрете. Короче говоря, я кое-как свожу концы с концами, подрабатывая врачом и зарабатывая немного денег как поэт. Ничто так не приближает нас к вратам муз, как бедность, но было бы лучше, если бы они оставляли нас за порогом.

Беда в том, что они иногда предпочитают составить нам компанию ради развлечения, и тогда вместо того, чтобы быть церемониальным швейцаром, я часто становлюсь распорядителем.

Итак, когда вы узнаете, что я пишу, вы, без сомнения, подумаете, что я голодаю, а имя писателя, естественно, напомнит вам о мансарде. В этом вопросе я не считаю нужным разубеждать своих друзей. Но независимо от того, сыт я или голоден, живу ли я на первом этаже или на четвёртом, я по-прежнему с нежностью вспоминаю о них; да что там, я даже свою страну люблю. Необъяснимая привязанность к родине, эта *maladie du pays*, как называют её французы! Необъяснимо, что человек может по-прежнему испытывать привязанность к месту, где он никогда не встречал особого радушия, где он не может похвастаться ничем, кроме своего акцента и ошибок. Конечно, моя привязанность так же нелепа, как привязанность шотландца, который отказывался лечиться от чесотки, потому что из-за неё он слишком часто вспоминал о своей жене и прекрасном Инверэри.

А теперь серьёзно: давайте спросим себя, почему мне так хочется снова увидеть Ирландию. Может быть, потому, что это прекрасная страна? Нет. В Ирландии есть хорошая компания? Нет. Разговор там обычно сводится к непристойному тосту или похабной песенке, а оживление поддерживается за счет какого-нибудь бедного родственника, которому хватило глупости заработать себе на обед. Может быть, у ирландцев больше ума и образованности? О боже, нет! За один сезон на подстегивание кобыл породы падарена было потрачено больше денег, чем на награды учёным мужам со времен Эшера. Все их достижения в области образованности сводятся к одному-двум переводам или нескольким богословским трактатам, а все их достижения в области остроумия — к полному их отсутствию. Так почему же, черт возьми, я так люблю Ирландию? А все потому, что ты, мой дорогой друг, и еще несколько человек, которые являются исключением из общего правила, живёте там. Вот что причиняет мне такую боль при разлуке с ней. Признаюсь, иногда из-за этого я омрачаю те удовольствия, которые у меня есть сейчас. Если я иду в оперу, где синьора Коломба изливает на меня все свое мелодическое богатство, я сижу и вздыхаю о Лиссабоне и «Последней спокойной ночи» Джонни Армстронга из «Пегги Голден». Если я поднимусь на Хэмпстед-Хилл, откуда открывается самый великолепный вид, который только может предложить природа, то, признаюсь, это будет прекрасно. Но я бы предпочел оказаться на небольшой возвышенности перед Лиссойскими воротами, откуда открывается самый красивый, на мой взгляд, вид.

«До приезда Чарльза мои мысли иногда находили утешение в общении с друзьями в Ирландии, отвлекая меня от более серьёзных занятий. Я воображал, что дома происходят какие-то странные перемены, но теперь понимаю, что это из-за моей собственной стремительности мне казалось, будто что-то меняется, хотя на самом деле всё оставалось по-прежнему. Никаких перемен. Некоторые друзья, как он мне пишет, по-прежнему худы, но очень богаты; другие, наоборот, очень толсты, но по-прежнему очень бедны. Да что там, все новости, которые я о вас слышу, сводятся к тому, что вы наносите визиты соседям и иногда перебираетесь с голубой кровати на коричневую. Я бы от всего сердца хотел, чтобы вы с ней (миссис Ходсон), а также Лиссой, Баллимахоном и всеми остальными переехали в Мидлсекс, хотя, если подумать, это может быть сопряжено с некоторыми неудобствами. Поэтому, раз гора не идет к Магомету, Магомет пойдёт к горе; или, выражаясь проще, раз вам неудобно навестить меня, то, если следующим летом мне удастся на шесть недель уехать из Лондона, три из них я проведу у своих друзей в Ирландии. Но, поверьте, я еду туда исключительно ради того, чтобы повидаться с ними, а не для того, чтобы красоваться или собирать пожертвования, вызывать зависть или добиваться чьего-то расположения; по правде говоря, мои обстоятельства не позволяют мне ни того, ни другого. Я слишком беден, чтобы на меня глазели, и слишком богат, чтобы нуждаться в помощи.

Глава Девятая

АВТОРСТВО ХАКНИ — МЫСЛИ О ЛИТЕРАТУРНОМ САМОУБИЙСТВЕ — ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕКЭМ — ВОСТОЧНЫЕ ПРОЕКТЫ — ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С ЦЕЛЬЮ СБОРА СРЕДСТВ — ПИСЬМО ЭДВАРДУ УЭЛЛСУ — РОБЕРТУ БРАЙАНТОНУ — СМЕРТЬ ДЯДИ КОНТАРИНА — ПИСЬМО КУЗИНЕ ДЖЕЙН

Некоторое время Голдсмит продолжал писать статьи для обзоров и других периодических изданий, но, выражаясь профессиональным языком, не добился особого успеха. По правде говоря, он еще не был охвачен сильным литературным честолюбием и писал только по необходимости и по настоянию своего книготорговца. Его ленивый и праздный нрав, всегда противившийся труду и обожавший праздность, приходилось умирять, чтобы он мог выполнять свою задачу. И все же именно эта праздность придавала неосознанное очарование всему, что он писал, привнося в его произведения сладостные мысли и яркие образы, рождённые в его сознании в солнечные часы безделья. Эти наброски, написанные по принуждению, под влиянием момента, были опубликованы анонимно, так что они не произвели особого впечатления на публику и не принесли славы их автору. В очерке, опубликованном некоторое время спустя в журнале «Би», Голдсмит в свойственной ему ироничной манере сетует на то, что его разрозненные и анонимные эссе не сразу привлекли к себе внимание.

«Однажды я был вынужден, — пишет он, — выразить свое негодование по поводу публички, прекратив попытки угодить ей, и был полон решимости, подобно Рэли, досадить ей, в порыве гнева предав огню свои рукописи. Однако, поразмыслив, я решил, что не стоит злить тех, кто может быть недоволен моей опрометчивостью».

После столь печального происшествия Солнце на следующее утро могло бы светить так же ярко, как и прежде; люди могли бы смеяться и петь, как и раньше, и заниматься своими делами, и ни одно живое существо, кроме меня, не испытывало бы сожаления. Вместо того чтобы скорбеть об Аполлоне или музах, впавших в меланхолию, вместо того чтобы слышать, как ученый мир сокрушается о моей безвременной кончине, возможно, вся Граб-Стрит могла бы посмеяться над моей участью, и чувство собственного достоинства не смогло бы защитить меня от насмешек».

Примерно в это же время произошли события, которые придали новый импульс надеждам и планам Голдсмита. Когда доктор Милнер заболел и на короткое время передал руководство Пекхэмской школой Голдсмиту, тот в благодарность за своевременную помощь пообещал использовать свое влияние на друга, директора Ост-Индской компании, чтобы тот помог ему получить должность врача в Индии. Были все основания полагать, что влияние доктора Милнера возымеет действие, но как Голдсмиту найти средства, чтобы подготовиться к путешествию в Индию?

В этой непростой ситуации ему пришлось взяться за перо и написать больше, чем когда-либо прежде. Его работа книжным критиком и участие в дискуссиях в школах, университетах и литературных кругах континентальной Европы наполнили его разум фактами и наблюдениями, которые он решил объединить в масштабный трактат под названием «Исследование современного состояния гуманитарного образования в Европе». По мере того как работа

продвигалась, его оптимизм опережал его собственные усилия. Будучи уверенным в успехе в Англии, он стремился предотвратить пиратство со стороны ирландской прессы, поскольку до объединения с Англией закон об авторском праве не распространялся на другую сторону Ирландского моря. Поэтому он написал своим друзьям в Ирландию, призывая их распространить информацию о его готовящемся труде и собрать средства по подписке с предоплатой. Деньги должны были быть переданы мистеру Брэдли, известному книготорговцу из Дублина, который выдал бы расписку и взял бы на себя ответственность за доставку книг. Письма, написанные им по этому поводу, заслуживают того, чтобы привести их целиком, поскольку они очень характерны и интересны. Одно из них было адресовано его родственнику и однокашнику по колледжу Эдварду Уэллсу, который учился на юриста, но теперь спокойно жил в своём поместье в Роскоммоне.

«Вы отказались, — пишет Голдсмит, — от жизненного пути, который когда-то намеревались избрать, и променяли честолобие на домашний покой. Я не могу не сожалеть о том, что один из моих немногих друзей отказался от занятия, в котором у него были все основания преуспеть. Я часто давал волю воображению, представляя вас на судейской скамье или в зале суда, и не без гордости шептал всем, до кого мог дотянуться, что это мой кузен. А вместо этого вы, похоже, довольствуетесь тем, что просто счастливы, что вас уважают знакомые, что вы возделываете отцовские земли и можете спокойно вздремнуть под одним из ваших собственных боярышников или в спальне миссис Уэллс, которая, как должен признать даже поэт, из этих двух мест более уютна. Но как бы ни изменились ваши жизненные устремления, я убеждён, что они неизменны в отношении ваших друзей. Не думаю, что мир настолько завладел вашим сердцем (когда-то столь открытым для дружбы), что в нём не осталось места для одного-двух друзей, и лышу себя надеждой, что даже я вхожу в их число. На это я имею право в силу сходства наших характеров, а если отбросить это в сторону, то я могу требовать этого как своего законного права по самому справедливому закону природы, я имею в виду закон возмездия, ведь на самом деле ты получил от меня больше, чем я от тебя. Я человек немногословный, но даже сейчас не могу отделаться от мучительного предчувствия, что мои нынешние слова (которые и вполнину не передают моих чувств) будут восприняты лишь как предлог для просьбы, с которой я хочу к тебе обратиться. Нет, мой дорогой Нед, я знаю, что ты слишком благороден, чтобы так думать, а ты знаешь, что я слишком горд, чтобы опускаться до ненужной неискренности. Да, у меня есть просьба, но я знаю, к кому обращаюсь, и говорю об этом без смущения и робости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.